

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ СЕРГЕЙ ЛИННИК

ФЕЛЬДШЕР СКОРОЙ

КТО ПРИДЕТ НА ПОМОЩЬ ТЕБЕ, КОГДА ТЫ ПОПАЛ В БЕДУ?

Сергей Линник
Алексей Викторович Вязовский
Фельдшер скорой
Серия «15 ножевых», книга 2
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69553942

15 ножевых: Фельдшер скорой:

ISBN 978-5-17-156861-0

Аннотация

Ты попал в прошлое и работаешь в скорой. Приезжаешь на помощь людям, спасаешь жизни. Но кто придет на помощь тебе, когда ты попал в беду? Новые приключения доктора Панова в 1981 году.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	57
Глава 5	76
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Алексей Вязовский,
Сергей Линник
15 ножевых:
Фельдшер скорой**

© Алексей Вязовский, 2023

© Сергей Линник, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

– Труп?

– Он самый. И похоже, криминальный.

Сторож садового товарищества «Пехорка» выпучил глаза, схватился за голову.

– И что же делать?

– Сам как думаешь?

Я тяжело вздохнул, еще раз зачем-то попытался нащупать пульс на сонной артерии мужчины. Без вариантов – покойник. Голова проломлена в районе затылка, сам весь уже за-
коченел. Оно и понятно – декабрь 80-го года выдался холод-
ным, с обильными снегопадами и двадцатиградусными мо-
розами. Тут живым-то превратиться в сосульку – пустяковое
дело. Что уж говорить про трупы...

– Звонить в милицию, – наконец сообразил сторож.

Я посмотрел на мелкого чернявого мужичка по имени Се-
мен Петрович («Зови меня просто Петрович»). Именно он
четверть часа назад бросился под колеса нашей скорой, при-
зывно размахивая руками.

– Вот что ты нам устроил? – Из рафика вылез мрачный
Харченко, плюнул на снег. – Не мог вызвать местную ско-
рую?

Сторож от такого наезда выпал в осадок.

– Ну как же так, товарищи! Вы же все одно мимо ехали...

– Вот именно что мимо! У нас свои дела... – Водитель обреченно махнул рукой.

«Дела» были загружены в рафик нами в четыре руки в доме тещи Харченко в Малаховке. Разобраный диван, шесть стульев. Я выругался про себя. Это попадос. «Андрей, будь человеком, помоги с перевозкой мебели, вот доктор не против...» Нет, все водилы на скорой калымят и гоняют автомобили по собственным делам. Договариваются с диспетчерами – мол, сломался – и делают гешефты. Но зачем я-то во все это полез? И ведь отговаривала меня Томилина: «Давай, Андрей, выйдем у какого-нибудь кафе, посидим, кофе попьем, а Харченко сам справится...» Во-первых, какое кафе в такую рань, во-вторых, хоть один медик в машине должен присутствовать. В итоге Лена упорхнула отмечаться в очереди за кухонным гарнитуром, а я как дурак дал слабину и поперся в Малаховку с Харченко.

– Думал, что человек умирает, некогда вызванивать. – Сторож расстроено развел руками. – Мужик-то шевелился.
– Да показалось тебе!

Живот неприятно скрутило, я полез за таблетками с висмутом. Вот еще тоже приключение на мою голову. Первые два дня было настолько худо, что я уже жалеть начал. Ну вот стоило пить эту дурацкую бактерию и доказывать окружающим, насколько я крут? Ходи теперь с гастритом, глотай лекарства по расписанию. Того не ешь, этого не пей...

– Не мог он шевелиться. Мертв потому что.

– Так что же делать?

– В милицию звонить!

Нам хана. Сейчас приедут опера, внесут номер скорой в протокол. А потом Лебензон нас с Харченко съест без соли за то, что гоняли машину по своим делам в рабочее время. Вот уж оторвется зав подстанцией... Так подставились, что выговором тут не отделаешься.

– А что им сказать. Ну, кто умер-то?

Я опустил на корточках, охлопал дубленку и пиджак жмура. В одном из карманов было что-то плотное. Я засунул руку, вытащил листик, сложенный вчетверо. Развернул.

– Что там? – нетерпеливо спросил сторож.

– погоди, дай рассмотреть, – сказал я, всматриваясь в строчки. – Видно хреново. Ага, это больничный. Вот, видишь, «выдается сотрудникам КГБ, имеющим воинское звание».

– Япона мать! – заорал Харченко, пиная колеса рафика.

* * *

Ментовские опера и следки? Ставлю галку.

Прокурор района с командой? Есть. Гэбэшная братия? Приехали на трех «Волгах». В комплекте – розыскные собаки, криминалисты, разве что вертолета в воздухе не хватало, видимо, погода не способствует.

Допрашивали нас аж трое силовиков – от прокуратуры, от

КГБ и от МВД. Я строгонастрого запретил Харченко врать – диван в салоне не скроешь, да и проверить любую версию с вызовом, трансфером больного в больницу очень легко. Благо в гэбэшных «Волгах» и в ментовском «козлике» есть рации и радиотелефоны.

– Пипец вам, – качал головой седоусый опер из местного РУВД. – Уволят с волчьим билетом. Вы знаете, кто там лежит? – И милиционер показал в сторону сугроба.

– Капитан Евстужин! – одернул опера гладко выбритый, подтянутый гэбист в светло-бежевой дубленке. – Сейчас у нас задача не напугать товарищей, а получить всю возможную информацию.

Пока Харченко по десятому разу рассказывал наше милое приключение, диктовал телефон своей тещи, мой ужас скачкообразно усилился. Мозг покряхтел, покряхтел и выдал: мертвец в сугробе – это же «труп на Ждановской». Случайно убитый бухими метровскими ментами «бурильщик». Которого они с помощью начальства решили выкинуть на Егорьевском шоссе. Типа никто не узнает. Узнают. И начнется битва двух советских «годзилл», двух «наследников» умирающего Брежнева – Щелокова и Андропова. МВД против КГБ. Победит КГБ, министр окончит жизнь самоубийством. Как и его жена, кстати. Следак по этому делу будет ездить под защитой группы «Альфа», а я... Тут мой ужас достиг космических масштабов. Меня прикрыть некому. С подстанции погонят сразу, автоматом. Скорее всего, отчис-

лят из института. Хороший вариант – забреют в армию. Плохой вариант – эти «волки» с голодными глазами начнут шить соучастие. Вон «нашего» сторожа уже повели в гэбэшную «Волгу».

Но почему труп? Я подул в замерзшие пальцы. Кажется, мертвец на Ждановской был жив, когда его нашли – умер в больнице. Или история пошла другим путем? Что же мне все-таки делать? Там гипотез много выдвигали, включая и ту, в которой реального чекиста не было, а это все Андропов придумал. Но в одном все исследователи были едины: движуха будет неслабая.

– Завтра с утра надо явиться в районную прокуратуру. – Третий следак переписал мои паспортные данные, уточнил прописку. Зарегистрироваться в новой квартире я еще не успел – дал адрес общаги. Надеюсь, если что, Давид прикроет. – Там мы с вами продолжим. Руководству подстанции, разумеется, все сообщим.

Харченко, как услышал это, закрыл лицо руками. За работу он держался, кормил жену в декрете и двух спиногрызов. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Дело не в том, что работу водителя не найти – вон, все заборы в объявлениях, лимиту из провинции завозят. Просто на скорой уже и стаж, и классность, а на новом месте в деньгах потеряет.

В рафике я углядел, как водила достает подозрительную фляжку, силой вырвал ее.

– Ты хочешь к леваку добавить пьянку на рабочем месте?! – Я открыл крышечку, понюхал. Оттуда пахнуло сивухой. – Что это?

– Самогон. Теща гонит. – Харченко начал раскачиваться из стороны в сторону. – Вот зачем я во все это полез?! Уволят, по допросам затаскают...

Тот же вопрос волновал и меня.

– Ладно, поехали, нечего тут глаза мозолить. А то передумают менты и с собой утащат. Жми на газ.

Разумеется, Томилина тут же засекла наши хмурые рожи. Сразу, как села в машину.

– Что случилось?

– Да живот что-то крутит, – отбрехался я. И тем самым переключил Лену на привычную тему.

– Ну зачем ты выпил эту бактерию?! Тебе больше всех надо? Еще и фиброгастроскопии твои...

Всю дорогу до подстанции Томилина ела мне мозг маленькой ложечкой. Так сказать, на правах мелкой начальницы тире любовницы. Под конец я уже был готов сам изобрести машину времени, чтобы прыгнуть еще разок в прошлое и отговорить себя от этой затеи. Тем более что поперла из-

жога, которая распалила во мне адские котлы.

– Ты молоко купила? – спросил я Лену.

– Да, да. Вот пакет.

Я оторвал уголок, припал к живительному лекарству всех язвенников. Эх, сюда бы еще бананчик, заполировать молочко...

* * *

На подстанции еще ничего не знали – мы спокойно сдали смену, Томилина умчалась передать карточки.

– Ленке что будем говорить? – Харченко закурил дрожащими руками.

– Не Ленке, а Елене Александровне. Ты же вроде не курил?

– Стрельнул у ребят... Может, на больничный уйти?

– Ну уйди. Или думаешь, Ароныч тебя дома не найдет?

– Найдет... – Харченко затянулся, закашлялся.

– Не начинал бы ты обратно смолить, – покачал я головой. – От курения рак легких случается и прочая гадость.

– Да какой там рак? – махнул рукой Миша. – Не до этого.

– Лучше всего пойти и повиниться, – посоветовал я. – К тебе претензий раньше не было. Поругают и отстанут.

Водитель ничего не ответил, лишь расстроено покивал. А я пошел в ординаторскую к телефону. Растряс свою записную книжку, достал визитки тех, кто мне вручал грамоты.

Первая – Щербина Ярослав Кириллович. Моссовет, общий отдел. Не то. А вот второй, Маслов Дмитрий Саввич, – самое оно. Помощник Гришина. Разочек горкомовец мне уже помог с квартирой. Может, поможет и еще.

Набрал, быстро изложил ситуацию. В трубке повисло тяжелое молчание.

– Тут надо докладывать Виктору Васильевичу, – тяжело вздохнул Маслов. – Вопрос сложный. Не отходи от телефона.

Дальше сидел как на иголках, ждал. Томилина сдала смену, поцеловала меня в щеку и упорхнула к парикмахеру. И рассказать не успел, и к трубке как привязанный. Потом, значит, сообщу. Пара врачей рвалась к телефону, но я их шуганул. После заплыва в Москва-реке и неоднократных схваток с Лебензоном, из которых я, может, выходил не победителем, но точно не проигравшим, мой авторитет был на высоте. Народ, тихо возмущаясь, отполз от заветного телефона. Наконец раздался звонок.

– Жди у входа, за тобой выслали машину.

Черная «Волга» подобрала меня уже через полчаса, а еще спустя сорок минут я предстал пред ясны очи Виктора Васильевича Гришина. По коридорам с космической скоростью меня почти протащил Дмитрий Саввич. Глава Московского городского комитета партии и член Политбюро выглядел неважно. Мешки под глазами, синеватые губы инфарктника. Окна кабинета выходили на Старую площадь, погода опять показала «козу» – повалил сильный снег.

– Рассказывай... – Гришин уставился на меня немигающим взглядом, из-за приставного столика ободряюще кивнул Маслов.

Я начал мычать, выдавливая из себя рассказ о трупе. Не стал скрывать про «левак», про тихую панику, которая случилась у силовиков после осмотра тела.

Помощник наклонился к уху Гришина, тихо произнес:

– Второй провал КГБ за полгода после пропажи Шеймова.

Я услышал, но сделал вид, что занят разглядыванием снега за окном.

– Не сейчас. – Виктор Васильевич отмахнулся от помощника, откинулся в кресле. Опять испытующе на меня посмотрел: – Я тебя помню. Это ты спасал пассажиров автобуса в Москва-реке в начале осени? Мы тебя еще наградили грамотой, да?

– Было такое дело. Что же мне теперь-то делать?

– Твоей вины не вижу. Ты же просто фельдшер? Так? – Гришин пожевал губами. – А вот вашему врачу и водителю прилетит. Последний за использование казенного транспорта в личных целях так и вовсе под статью попадает. Сейчас принято решение активнее бороться с хищениями социальной собственности...

Козлы! Платите людям нормально – никаких массовых хищений не будет. А то «Мы делаем вид, что им платим – они делают вид, что работают». Вот и живем по поговорке: «Ты здесь хозяин, а не гость, тащи с работы каждый гвоздь».

Разумеется, я промолчал, сказал о другом:

– Боюсь, это дело будет непростым. Убийство комитетчика – это скандал на всю столицу. Если будут таскать на допросы и требовать скрыть факт криминальной смерти, что делать?

Такая постановка вопроса горкомовцам в голову не приходила. Они обеспокоенно переглянулись.

– Быть такого не может, чтобы советские органы дознания подобным занимались, – твердо произнес Гришин. – Если что-то такое начнется, сразу звони мне в приемную, я дам команду – тебя соединят. Или с товарищем Масловым будь на связи, согласуйте.

Я понял, что аудиенция закончена, встал и пошел к выходу. Уже в дверях услышал, как «хозяин Москвы» говорит помощнику:

– Позвони там... Попроси их не лютовать в деле Панова. Ого. Уже «дело Панова»! Расту над собой...

* * *

После горкома я отправился в институт, благо успевал на третью пару. И это оказалась опять психиатрия. Везет – как с этим бороться и победить.

В аудиторию я просочился через верхний вход, сел на галерку. Пригляделся. Давид расположился сразу между двумя девушками, одной из которых была Серафима! Шишки-

ну тоже не обошли вниманием – рядом с ней сидел какой-то высокий плечистый парень с правильным выражением лица. Вот прямо на плакат «Ударники медицинского фронта» забирай. Пора начинать ревновать?

Тем временем препод закончил вводную часть и решил продемонстрировать клинический случай. В центр аудитории, прямо под кафедру, выкатили кресло-коляску. В ней сидела пожилая ухоженная женщина с высоким начесом.

Лектор начал рассказывать анамнез пациентки, как ее лечили. Что-то про шизофрению, которой она страдает много лет, про близко знакомый мне аминазин, почти родной трифтазин и волшебный галоперидол... Подключилась к лекции и сама женщина. Повела нам, как в результате лечения все прошло, и теперь она понимает, что рыбок не было, это из-за болезни. Что-то связанное со страхом маленьких пираний в крови. Насмотрелась Дроздова по ТВ...

Все шло гладко, занятие почти закончилось, лектор разрешил задавать пациентке вопросы. Все они были скучные, на «отстаньте». Видно было, что дама с опытом, знает, что от нее хотят услышать. Пока не встал Давид. Явно рисуясь перед девушками, он спросил:

– Вот вы говорите, что врачи вывели у вас из крови пираний. Вылечили. А что, если они отложили там икру?

Женщина вдруг сильно побледнела, вцепилась руками в подлокотники коляски. Лектор сбегал к ней с кафедры, в аудитории повисло тяжелое молчание.

– Икру? ИКРУ?!

Пациентка, оттолкнув препода, вскочила на ноги, с треском рванула правый рукав на блузке, стала сильно расчесывать локтевой сгиб. После чего так заорала, что даже меня оглушило на галерке. А первый ряд так и вовсе отшатнулся.

Лектор попытался успокоить женщину, но какое там... Она вопила, будто рожала.

* * *

– Меня отчислят! – паниковал Давид в коридоре. – Буряков орал почище этой бабы.

– А Буряков – это... – Я завис, пытаюсь вспомнить.

– Куратор курса. Слушай, что теперь делать? Я же нечаянно!

– За нечаянно быют отчаянно. – Тут я задумался. – Пиши в объяснительной, если потребуют: мол, в ходе общения с пациенткой засомневался в том, что болезненные переживания померкли и потеряли актуальность, дескать, пациентка подгоняла свой рассказ для того, чтобы ее выписали...

– Да эта баба – его постоянный экспонат. Обидится – перестанет к студентам ходить. Лектору еще кого-нибудь уговаривать придется.

– Блатная?

– Похоже. – Давид вцепился себе в волосы. – Что же делать, что же делать?!

– Делай, как я говорю! Ничего страшного не случилось. Пациенты в психушке постоянно врут, чтобы их выписали побыстрее. Если бы бред прошел, она бы на твои слова про икру никак не отреагировала.

– Думаешь?

– Зуб даю. И вот что еще, – как бы между прочим сказал я, – в общагу могут следаки звонить...

– Следаки? Ты во что вляпался?!

– Я свидетель, не переживай, – успокоил я встревожившегося Ашхацаву. – Короче, если что, ушел в неизвестном направлении и обещал вернуться. Ты, кстати, вещички собираешь? Я скоро съезжаю, уступаю место.

Давид оглянулся, увидел стайку девушек с курса, что шли по коридору. Ого, а Соня Голубева абхазскому князю глазки строит откровенно уже. Симпатичная девчонка, но очень уж прилипчивая. Ладно, помолчу, думаю, Давид и сам разберется, не маленький.

– Собираю. Дай телефоны владельцев квартиры.

– Завтра найду и оставлю тебе запиской на вахте. Все, бывай. Мне пора бежать.

* * *

Томилина, к счастью, оказалась дома. И трубку взяла сразу, хоть и голос заспанный был.

– Хорошо, что ты позвонил... Ты что утром сказать хотел?

Я просто не успевала уже, бежать надо было...

– Давай приеду, расскажу. Твои дома?

– Родители? Нет, они во вторую, ушли уже.

– Ну жди тогда, мчусь!

Хочу сказать, что когда пробок нет, ездить по Москве на такси – одно удовольствие. Каких-то жалких полчаса – и я на месте. И успел еще зайти в кулинарию, купить пирожное для Лены.

Она встретила меня, закутавшись в длинный махровый халат до пят, из-под которого торчал воротник байковой пижамы.

– Замерзла, что ли? Вроде не холодно у вас.

– Какое там, вчера какая-то птица врезалась в мое окно, стекло треснуло, дует. Мама звонила в ЖЭК с утра, но когда там придут заделать, неизвестно. Что принес? Пироженку? Пойдем на кухню, чай пить будем. У тебя когда следующая процедура?

– Завтра. Третья уже.

И ведь не последняя. Чем больше материала получим, тем лучше, но смотреть на этот шланг сил нет.

– Так тебе и надо, не будешь в науку лезть. Так что там случилось? – спросила она, поставив чайник на плиту. – Ты спичек не видел? Завалились куда-то.

– Держи, – подал я ей коробок. – Слушай, там утром... Короче, неприятность у нас...

– Остановили вас на дороге? ГАИ?

– Хуже. Когда мы ехали назад, нас тормознул сторож... садовое товарищество там...

– Что ты тянешь, Андрей? – Томилина побледнела, уставилась на меня своими глазищами. – Говори уже? Нагрубили кому-то? Жалобу писать будут?

– Там труп был, – вывалил я ей новость.

Лена открыла рот, закрыла.

– До прибытия? А вызов почему не оформили?

– Не было вызова, Лена. Там... мужика из КГБ убили, понаехала куча целая, с обеих сторон. И менты, и чекисты. Перетрясли все. Меня завтра в прокуратуру вызывают...

На Томилину было больно смотреть. До нее начало доходить, в какую жопу мы попали из-за хозяйственного Миши и ее доброты. А как отказать? Свои же. А теперь расхлебывать.

– Что дальше будет, Андрей? – спросила она.

– Выговор. Тебе и Харченко. Мишу еще и за использование транспорта в личных целях дергать могут. Поэтому запомни: ты ничего не знала. Водитель отпросился поехать, за чем – не сказал.

– Это почему?

– Потому. Одно дело, если водила один все сделал. А другое – группа лиц по предварительному сговору. Тут и уголовное дело возбудить могут – воруют бензин, то да се.... Что бы кто ни говорил, никому и никогда не признавайся, что ты знала, зачем Харченко поехал. Понятно?

– Да, – кивнула она. – А что будет с нами? Чайник закипел,

подожди, заварю свежий сейчас.

Вот я бы так не смог. А женщины наши – запросто, не думая. Тут мир рушится, творится неизвестно что, а она встает и идет жратву мужику готовить. Жениться, что ли? Ну нет, обожду пока.

– А ничего не будет. Держись этой версии, и кроме выговора – вообще ничего. А скорее всего, и его не будет. Я тут с товарищами из обкома пообщался. Вроде настроены помочь нам.

– Ну да, ты же... Андрюша, обними меня. – Лена подошла ко мне и прижалась грудью к лицу.

Как-то потом не до чая было. Мы в спальню переместились настолько стремительно, что я и опомниться не успел. Опасность, как оказалось, тоже неплохой афродизиак.

Полетел куда-то халат, а вслед за ним и пижама с вязаными носками. А я показал просто чудеса скорости, раздеваясь быстрее опытного стриптизера. Поцелуи, жадные и беспорядочные, так и летали по нашим телам, которые сплелись в какую-то очень сложную конструкцию.

– Ты же не оставишь меня, Панов? – спросила Лена, пока моя голова лежала у нее на груди и я неспешно водил пальцем по торчащему розовому соску со слегка припухшей ареолой. – Не бросишь?

Я только крепче сжал мою рыжую.

Глава 2

В районную прокуратуру я поехал к восьми. Ну, чтобы вот прямо к открытию. А что, отстрелялся – и на волю. Бояться еще нечего. То, что нашли чекиста, дело серьезное, но пока вскрытие проведут, пока пошевелиятся, уголовное дело хорошо если в этом году завести успеют.

Спросил у дежурного, где кабинет следователя Рыжикова, поднялся на второй этаж. Вот сколько пришлось за жизнь побывать в прокуратуре, а запах не меняется. Бумажные души, одно слово. В архивах так еще пахнет.

Следак вчерашний, он и приглашал. Послушаем, что скажут. А как же, в таких местах даже «здрасьте» говорить надо с осторожностью, а то при надобности переврут в три секунды.

Прокурорский вроде как не очень доволен был ранним визитом, но сам виноват – время не назначил. Демонстративно посмотрел на часы, на сейф позади себя. Показал важность, гад, типа занят офигенно. Я без приглашения сел на стул, молчу. Ясен пень, раздеваться не стал, шапочку вязаную только свернул и в карман спрятал да молнию на куртке расстегнул.

Следак еще что-то демонстративно поискал в выдвижном ящике стола, потом решил все-таки, что пора:

– Рассказывай, как оказались на месте, где нашли труп.

– Вроде уже вчера все обсказал?

– Давай заново.

Вот же... Я с трудом сдержался, чтобы не вы-материться.

– Ехал в машине, сторож под колеса бросился, остановились, он показал.

– С кем ехали, откуда. Давай, мне что, клещами из тебя тянуть надо?

А сам, гад, хоть бы карандаш для видимости в руку взял. Не говоря уже о бланке протокола.

– Вы бы представились для начала, – осторожно заметил я. – Звание, фамилия. А то на вас даже формы нет.

– Помощник прокурора Рыжиков, – скороговоркой выпалил следак. – На вопросы поставленные отвечай.

– У нас что здесь, товарищ Рыжиков? – спокойно продолжил интересоваться я. – Допрос? Опрос? Тогда почему протокол не ведется? Беседа? Так договариваться надо. Понимаю, вы человек занятой, но и у меня учеба, я прогуливать ее не хочу. Уголовное дело по факту гибели гражданина Афанасьева не возбуждено еще?

– Нет, – скривившись, как от внезапной зубной боли, признался Рыжиков, кивнул в потолок. – Наверху решают, кому вести...

– Ну и зачем тогда спешить? – удивился я. – Возбудят дело, пришлете повестку, я явлюсь. Или если беседу провести, так я всегда готов. Хотите, я вам предоставлю график работы и расписание занятий, чтобы вы могли сориентировать-

ся? Ну, решить, когда вам удобно будет... – Я достал из кармана записную книжку и открыл ее якобы в готовности продиктовать любые сведения.

– Не надо, – отмахнулся следак. – Вызовем потом.

«Вот и хорошо», – подумал я, выходя на улицу. Сейчас для данного прокурорского это обычное дело. Почти. Никакой шумихи нет, и он спокойно будет отыгрывать стандартные шаги: ждать результата вскрытия, идти на доклад к начальнику, решать, когда возбуждать. Даже если сверху гаркнут, в лучшем случае завтра. Или вообще в начале января. Куда спешить? Ну а ко мне и вовсе оперов прислать могут, те и опросят.

Меня вот интересует: а за кого товарищ Гришин в этой схватке будет? В прошлый раз выиграл Андропов, опубликовав приговор суда и дав команду «Фас!» в газеты с телевизором – топить Щелокова и Ко. Будет это не скоро, не в этом году и даже не в следующем. Но кто знает, а вдруг начнут зачищать всех свидетелей, до кого дотянутся? Что-то мне от таких мыслей стремновато стало. А с другой стороны, от судьбы не уйдешь. Да и что сейчас бояться того, чего еще не случилось?

* * *

А в институте все по-старому. Вот что хорошо в учебе, начиная с четвертого курса, так это циклы. На тебе две неде-

ли подряд психиатрии. Или ухогорлоноса. Или терапии. А потом еще чего-то. Есть, конечно, накладочки, если в начале курса – цикл, а лекции еще не отчитаны. Крутись как хочешь. Но наш студент вывернется. И, как в том старинном анекдоте, на вопрос, за сколько выучит китайский язык, уточнит только, когда сдавать.

А у нас психи. Хорошая кафедра, спокойная. Без визга и штурмовщины. Несмотря на изучаемую дисциплину, препода не людоеды. И насчет работы можно договориться. Всего-то постояли, пообщались об атипичных нейролептиках и агранулоцитозе. На уровне базара в курилке. Но показал, что знания имеются, отпускать не страшно. Вот и сегодня походили, пообщались с больными для написания учебной истории болезни. Мне досталась дамочка, у которой сестра украдала красивые бедра и грудь. Лечение уже подходило к концу, выписка на горизонте, поэтому рассказ у нее получился скомканный и вялый. И ладно, нестрашно. Психиатрия, она в анекдотах веселая. И в кино. А в жизни большей частью печальная.

Зато когда вернулся, меня ожидал приятный сюрприз. Препод наш, Алексей Павлович, пригласил Царенко. Легендарный дядечка, помню его. Штучный товар, таких пациентов уже не делают. Артист настоящий. Дорогого стоит.

Завели мужчину, на вид лет шестидесяти с копейками, солидного, в костюме, галстук. Улыбчивый, вообще на психбольного не похож. Прошел, спокойно сел на стул.

– Я вам сейчас расскажу про свое заболевание. Ну, это здесь так считают, мне их мнение не мешает, – начал он. – Впервые в эту больницу я попал в одна тысяча девятьсот двадцать девятом году, пятьдесят один год назад. Тогда я в первый раз объявил, что занимаю пост начальника внешней охраны вселенной. Это очень серьезная должность. Все мировые лидеры со мной советуются. Работа у меня секретная, рассказывать много о ней не могу. Но за свою деятельность я был награжден неоднократно высшими орденами всех стран мира. И четырежды мне было присвоено звание «Герой мира».

Мужик вещал спокойно и рассудительно, как о простом и обыденном деле. Примерно как заслуженный сталевар какой-нибудь. Следующая часть мне нравилась. Сейчас будет самый вкус.

– Первым лечащим врачом у меня был профессор Ганнушкин Петр Борисович, вы должны про него знать. Очень хороший человек, лечил меня холодными обертываниями. Когда он умер в тридцать третьем году, мне было жаль. Помню, я ходил на его похороны, прощался с ним. Потом профессор Гуревич Михаил Осипович меня лечил гипнозом и серой. Жаль, его с работы выгнали в пятидесятом. Очень достойный доктор. Когда он умер в пятьдесят третьем, я ходил с ним прощаться, конечно же...

Начальник охраны вселенной долго еще перечислял профессоров и докторов, с которыми он был в замечательных

отношениях и которые пытались излечить его самыми новыми психиатрическими методами. Заканчивался микрорассказ каждый раз одинаково: «Когда он умер, мне было очень жаль». Последнюю попытку предпринял профессор Банщиков Василий Михайлович, этот в шестьдесят девятом лечил Царенко электросудорожной терапией и инсулином.

– Мы с ним очень подружились, – закончил он. – Я даже скучал, когда его перевели на другую работу. Интеллигентный человек, начитанный. Он еще жив, я каждый год поздравляю его с днем рождения. Но решил больше в больницу не ложиться – возраст уже.

Ну понятно, а когда и Банщиков помрет, тебе будет очень жаль и ты сходишь к нему на могилу попрощаться.

Царенко ушел, довольный произведенным впечатлением. Уверен, была бы возможность – все бы с ним селфи еще сделали. Очень позитивный мужик.

– Это сколько же лет ему? – спросил любопытный Давид, когда все начали обсуждать случай.

– Второго года он, – ответил препод. – Семьдесят восемь.

– А выглядит от силы на шестьдесят.

– Так всю жизнь только почет и положительные эмоции, с чего ему стареть?

* * *

А вот меня положительные эмоции не очень радовали. Во-

первых, треклятая фиброгастроскопия. У меня даже возникла мысль предложить эндоскописту взятку, чтобы он подсушил нужные фотографии без запихивания в меня этой дряни. К сожалению, и это не помогло бы: кинокамеру никто не отменял, и меня сняли в очередном эпизоде блокбастера про бактерию.

А во-вторых, на нас уже началась атака. Вы что думали: ученые все сплошь и рядом интеллигентные люди, которые всем вежливо улыбаются и не употребляют обценной лексики? Все как один похожи на профессора Преображенского из неснятого пока фильма? Как бы не так. Тот еще гадюшник. Постоянная борьба за звания, темы исследований, поездки на конференции, финансирование, публикации. Вон, шизофреник вспоминал сегодня Гуревича. Кто его с работы выгнал с волчьим билетом? Ученик его, нынешний академик Снежневский. Мол, не совсем марксистская психиатрия у профессора.

Вот и Морозов меня «порадовал». Странно даже, еще исследование не закончили, результатов нет, а гадить уже начали. И не просто так, по углам шептаться, а по-взрослому. Статьей в «Медицинской газете». Сразу и на всю страну. Называется «Верность ленинскому курсу». Без шуток. И написано так грамотно, видно, что рука набита. И про партию, и про учение академика Павлова, и про советскую науку – самую передовую в мире, потому что она опирается на столпы и краеугольные камни. А в самом конце, как бы между про-

чим, что некоторые шарлатаны от науки пытаются создать нездоровую сенсацию, пытаясь пересмотреть в гастроэнтерологии фундаментальные положения в угоду собственным амбициям. Это про нас, без фамилий. Дескать, прохиндеи.

– Это первая ласточка, готовься, – сказал Морозов, потирая уставшие глаза. – Дальше косяком пойдут.

– А кто эти вот, – я поднял газету двумя пальцами, – Алексеев и Тарасов?

– Да какая разница? Аспиранты какие-нибудь. Или кандидаты. Им сказали подписать, они и поставили крестики внизу. А настоящие авторы сидят и смотрят, как круги по воде пойдут. Не знают еще, какое официальное мнение будет. Но на всякий случай решили подготовиться.

– Слишком много народу знает, – заметил я.

– И что? Не узнали бы сейчас, так через неделю мы сами бы сказали. Радуйся – в «Терапевтический архив» в февральский номер еще статья пойдет. Вот что главное! Эти писульки, – он брезгливо отодвинул «МГ» в сторону, – забудут через неделю. А статья в рецензируемом журнале – навсегда. На кандидатскую, считай, настрелял уже.

Ничего себе! В таком ключе я не думал даже. Лихой старт, особенно для пятикурсника. Ага, помечтай, чтобы вместе с дипломом и диссертацию защитить. Как там у того парня фамилия, что за год генералом стал? Юрка Чурбанов? К тому же при нужде и у нас знатоки учения академика Павлова найдутся. Иван Петрович был плодовитый дядька, в его тру-

дах за любую фигню аргументы найти можно.

– Насчет измышлений про курс, – кивнул я на газету, – это ладно. А вот когда они додумаются до вопросов про сезонность язвы, чередование рецидивов и ремиссий, а также попытаются узнать, почему язва в одном месте, а бактерия – во всем желудке, тогда будет хуже. Найдутся и те, кто докажет, что отсутствие хеликобактера вызывает рак и вообще без него жизни нет.

– Ну вот, а ты спрашиваешь, кто такие Алексеев с Тарасовым. Те, кто такое писать будет.

Эх, Игорь Александрович, мне бы вашу уверенность! Что-то у меня хандра какая-то в последнее время.

* * *

На работе народ угорал над первой бригадой.

Точнее, не над самими врачами, а над историей с двумя рабочими со стройки жилого дома в Теплом Стане. Вызвали бригаду на множественные переломы милиционеры, которых, в свою очередь, дернул прораб. По приезде медики узнали, что два электрика монтировали освещение на потолке. Один стоял на стремянке, другой ему подавал инструменты. И вот второй – ну не дурак ли? – решил прикольноуться. Приставил первому – тому, что наверху – палец к жопе и нажал на кнопку дрели. В итоге – драка, серьезные переломы у обоих. Одного менты свезли в травматологию сами, а

вот второго пришлось госпитализировать с подозрением на перелом позвонка – рабочий не мог двигать ногами. Драка выдалась жаркой.

– Панов, срочно ко мне в кабинет! – Проходящий мимо Лебензон был красный как рак – прикуривать можно.

– Что это на тебя Ароныч взъелся? – поинтересовался наш «штатный» диссидент Каримов.

– Да вот наследство мне за рубежом отписали, – решил я приколоться даже не столько над фельдшером, а над всей гоп-компанией, что стояла рядом, развесив уши.

– Да ладно? Большое? Кто оставил?

Вопросы посыпались как из рога изобилия.

– Миллионер один американский, – врал я, закатив глаза. – Дед по отцовской линии. Мистер Панофф. Он сбежал от революции в Штаты, там начал торговать всякой бакалейей, разбогател неимоверно... Детей и внуков у него уже не было, так вот он дал команду разыскивать родственников в Союзе. Нашел меня. Прислал приглашение к себе, а когда я получил бумаги, он уже помер. Двадцать миллионов долларов оставил. Персональный самолет, виллу в Калифорнии. На берегу моря.

Народ ахнул.

– Я, конечно, подал документы на выезд из Союза, а вон Лебензон не дает характеристику для выездной комиссии. Мол, я неблагонадежный. Могу и не вернуться.

– Вот гад!

– Ни себе, ни людям...

– И что же ты будешь делать? – Глаза у Каримова были с пятикопеечную монету.

– Уже решил. Объявлю голодовку у Мавзолея.

– Так арестуют же!

– Тогда даже не знаю, что делать... – Я развел руками. – Есть еще одна идея. Мне ее в КГБ озвучили. На собеседовании.

Толпа вокруг меня стала еще больше, люди вставали на цыпочки, чтобы расслышать.

– Что за идея-то?

– Давай, говори, не томи!

Нет, до чего же все-таки народ в Советском Союзе наивный. По-хорошему наивный. И потом на этом простодушии будут паразитировать разные экстрасенсы, черные и белые «маги» и прочие мошенники.

– Половину – десять миллионов – отдаю государству. А остальное могу забрать себе.

– Конечно!

– Соглашайся!

– Товарищи! Что здесь происходит? – Старшая фельдшерица Галя, словно ледокол, прошла через толпу, воззрилась на меня с негодованием. – Андрей, тебя же заведующий ждет! Ты чего тут концерт по заявкам устраиваешь?

– Галина Васильевна! – загудел народ. – Скажите Лебензону, что так себя вести нельзя! Панов – герой, у него гра-

мота из Моссовета!

Я важно покивал и по пробитому фельдшерицей проходу прошествовал в коридор. Оттуда в сопровождении народа уже к кабинету Ароныча. Тот, само собой, был на взводе. Начал орать, только я переступил порог:

– Сколько можно ждать, Панов?!

– Видите, как завидует! – прошептал я, повернувшись к коллегам. – Не отпустит. Плакали мои доллары.

Плотно закрыв за собой дверь, я резко осадил Лебензона:

– Прекратите на меня орать! Я вообще ни в чем не виноват.

– А бензин? А амортизация автомобиля? А прогул в рабочее время?

Ароныч привстал в кресле, потом болезненно схватился за эпигастрий, начал шарить на столе. Найдя под бумагами таблетки, засунул в рот сразу две. Так это же антацид! А у главврача – язва. Или гастрит. Вот почему он такой злой постоянно.

– Если бы не звонок... – посмотрев на потолок, тем временем продолжал выговаривать мне Лебензон, – я бы вас уже всех уволил. Пусть внутренние органы разбираются...

– Кстати, насчет внутренних органов... – Я без спросу сел в гостевое кресло, положил ногу на ногу. – Лев Аронович, у вас же язва!

– Ну допустим. Не меняй тему разговора!

– А я недавно написал статью с профессором Морозовым

насчет язвы.

– Ты? С профессором?

Я кинул на стол благоразумно взятый с собой журнал с закладкой на нужной странице. Лебензон быстро просмотрел статью, кинул на меня удивленный взгляд.

– Так это вот про кого писали в «Медицинской газете»!

– Да, про нас. Вот не идем мы ленинским курсом, хоть убейте. Я тут на досуге просмотрел полное собрание сочинений Владимира Ильича... И знаете что обнаружил? – я поддал в голос страха.

– Что? – Ароныч опять аж привстал.

– Ни-че-го! Нет у Владимира Ильича никаких указаний насчет язвенной болезни. И у Павлова нет! Представляете?

Лебензон уселся обратно, еще раз посмотрел статью. Похмыкал.

– Ну готовься, будут травить. Про кибернетику, поди, слышал...

– И про генетику тоже, – вставил я.

– А что насчет этой бактерии? Как собираетесь лечить, если все подтвердится?

Ага, главврач-то на глазах добреет. Я начал рассказывать про наши опыты, Ароныч вставлял дельные замечания. Видно, что для человека актуально, вот и увлекся. Расстались мы если не друзьями, то вполне приятственно. Но уже уходя, я не смог удержаться от выходки:

– Ах да, чуть не забыл. – Я вернулся от двери, достал же-

лезный рубль из кармана. Положил его на стол главврачу. – За потраченный бензин.

* * *

Вот она, прелесть скорой: все давятся в очередях за елками, мандаринами, а мы катаемся. Вот на заправку заехали. Пока ждали Харченко, неожиданно для себя я продекламировал стихи про осаду прилавка из-за кофейной халвы. Странное дело, я до этого поэзию не очень любил. Знал, что она есть, скажем так, а тут Бродского наизусть шпарю:

В Рождество все немного волхвы.
В продовольственных – слякоть и давка.
Из-за банки кофейной халвы
Производит осаду прилавка
Грудой свертков навьюченный люд:
Каждый сам себе царь и верблюд...

– Никогда не слышала раньше, – повернувшись ко мне, сказала Лена. – Это ты написал? А почему не Новый год, а Рождество?

– Потому что не я автор. Это же Бродский, – ляпнул я и тут же прикусил язык. Только эмигрантов-антисоветчиков мне не хватало.

– Никогда не слышала, – пробормотала Томилина. – Андрей, а давай к нам на Новый год, а? У нас елка, весело будет.

К ребятам сходим, песни попоем. Ну что ты в своей общаге делать будешь? Тебе пить все равно нельзя.

– Подумать надо. Я же Давиду обещал.

А еще Лизе. Та тоже звала меня встречать Новый год с родителями. Налаживать мосты. Или строить? Даже передала приглашение от мамы – представляю, сколько сил ей стоило выбить это разрешение.

Что тут делать, совершенно не ясно.

* * *

Последним вызовом, получается, головная боль была. Ну и ладно, на часах без чего-то там семь, пока туда-назад – и пересменка. Хорошее время. Харченко вон успокоился, даже тупой анекдот про русского, англичанина и немца рассказал. Лебензон его почти простил. Сказал, что выговор все равно будет, но в следующем году. Чтобы на премию годовую не повлияло.

И Томилиной прилетело, но символически. Даже без выговора. Замечание. Типа послабление молодому работнику. Но тоже в январе. Надеюсь, это все же новости с фронтов борьбы с язвенной болезнью повлияли. Или новогоднее настроение.

Только вылезли из машины, как меня угораздило попасть в собачье дерьмо. Миша, гад, остановил именно так, что я вляпался в свежую кучку, выпрыгнув из салона. Пока я чер-

тыхался, Лена забрала у меня сумку и пошла на вызов. Правильно, что время терять? Пока я ботинок почищу, она давленнице померяет. Странно, конечно, что не дама в летах, а мужик молодой, тридцати еще нет. Так, может, вчера последние триста граммов неправильной водки лишними были, вот и мается, скорую вызывает, надеется на волшебный укольчик.

Харченко стонал, что я опять ветошь из машины уволок, а я мужественно протирал ботинок. Даже перекисью промыл для надежности. Вот поэтому я и не заведу никогда собаку. Очень уж от них отходы дурно пахнут, ужас просто.

На этаж я поднимался не спеша. Пусть молодая докторица опыта набирается, а то привыкла за моей широкой спиной тяжелее ручки и стакана ничего не поднимать. И уколы внутривенные скрученной в пороссячий хрен иглой фельдшер фигачит, и тяжести таскает, да все делает, считай. А она знай себе прохлаждается.

Странно, что дверь закрыта. Обычно ее не запирают для опоздавших. Ничего, я не гордый, могу и постучать. Кто-то подошел и чуть приоткрыл дверь изнутри. Ага, Томилина нос высунула наружу.

– Андрей, у тебя маска с собой? – спросила она специальным шепотом заговорщицы первого уровня опасности.

– Да, вот, – я вытащил из кармана халата обычную марлевую маску, хитро упакованную с помощью тесемочек. Никаких одноразовых здесь еще нет. Никто не слышал даже.

– А в машине есть? – спросила она, схватив ту, которую я только что показывал.

– В сумке лежат. Две штуки было с вечера. Если никто не упер, то там они и есть.

– Подожди, я сейчас... – Она захлопнула дверь и убежала. Странные дела. Что она мечется? Никак не пойму. Ага, вот дверь опять открывается, надеюсь, сейчас больше узнаю.

– На, надевай. – Она подала мне обе маски. – Тут, Андрей, что-то очень нехорошее творится.

Глава 3

Да уж, парень совсем не был похож на такого, который вчера на вечеринке побывал. Бледный, аж с синевой, на боку лежит, глаза закрыл, ноги согнул в коленях. Реально больной.

– Температура тридцать девять и шесть, давление сто пять на шестьдесят, пульс сто десять. В легких хрипов нет, зев немного красноват. У него сыпь какая-то на бедрах. Рвота была раз пять. Может, кишечная инфекция? – тихонечко обрисовала ситуацию Томилина.

Я подошел, откинул одеяло. И правда, сыпь. На бедрах, на пояснице вон тоже есть. Какая-то она стремная. А вдруг? За тея с двумя масками мне уже не казалась такой уж безумной. Сейчас проверим гипотезу. Я взял кстати подвернувшийся стакан и нажал донышком на сыпь. Не бледнеет. Ладно, действуем дальше. Я быстренько метнулся к нашему чемодану, щедро полил себе на руки спиртом из пузырька. Перчаточки тоже пригодятся. Из стерильного пакета, конечно. На себе не экономят.

Вернулся к парню. Так, что там стопроцентно свидетельствует за менингит? Ну же, мозг, давай, включайся. Ногу в коленке разогнуть? Не разгибается. На лобок нажать? Тянет ноги. Подбородок до грудины пальца на четыре не достает. Что тут думать? Действовать надо!

Повернулся к Томилиной:

– Елена Александровна, срочно в машину, вызывайте спецбригаду на менингит. Возвращаться не надо, будьте на рации.

Охнула и заплакала мать пациента, стоявшая до сей поры молча в углу. Да и Томилина тоже слегка удивилась. Похоже, глаза размером с пятак – отличительная особенность работников седьмой подстанции. Застопорилась что-то врачиха моя. Так что я легонечко дотолкал ее до двери.

– Давай, в машину, и не высовываться. Спецов вызывай, и нечего здесь заразой дышать.

– А ты?

– А я ампициллин пью, хеликобактер уничтожаю, у меня профилактика получается. Все, не тормози, мне еще преднизолон с писиксом делать.

Дальше нашел вену, уколол что положено. Сидел, давление мерил да смотрел на сыпь, потихоньку расползавшуюся по бедрам, пытаюсь угадать, в каком месте пятна сольются. Почти час сидеть пришлось. Потому что подлые спецы решили дожидаться пересменки, и ко мне прикатила уже новая смена. А может, и вправду заняты были. Главное, парня сдал живого и без ухудшения.

На станцию вернулись без приключений. Просто они нас ждали уже там. Не успели мы подняться на второй этаж, как в коридор из своего кабинета выскочила старшая фельдшерлица.

– Не задерживаемся, голубчики, ко мне проходим!

Пошли, чего отказываться, когда начальство зовет? Галя уже подготовилась к нашему приезду, спасибо, не стала муржиться.

– Значит так. Мазочки сейчас сдаем, до получения результата сидим дома и никуда не шастаем. Понял, Харченко? – сделала она страшные глаза.

– На меня чего переть, Галя? – возмутился водила. – Как сказали, так и сделаем, не впервой.

– Что на тебя переть?! – понесла фельдшерица. – Да ты чуть всю подстанцию не подвел своим диваном! Ароныч третий день сам не свой ходит. Где твоя социалистическая сознательность? Пропил уже?

– Да я просто теще хотел помочь... – Харченко опустил глаза, вздохнул.

– А твои коллеги? Вон, Елене Александровне чуть выговор не объявили! Андрей характеристику из-за тебя получить не может...

– Что за характеристика? – удивилась Томилина.

– Я тебе потом объясню. А когда анализы будут готовы? – задал я главный вопрос. – На работу как?

– Могут второго, а могут и третьего, – подсчитала в уме старшая. – Я сообщу. Если второго не будет, тогда на работу третьего не выходим. Принимаем антибиотики пенициллиновой группы для профилактики. Доктор тебе сейчас расскажет, какие и как, – предварила она вопрос водителя, уже

открывшего рот. – А ты, Панов, у нас в общежитии живешь? Вещички собираешь, сейчас в инфекционную больницу отправляешься. На обсервацию.

– До свидания, Галина Васильевна, – сказал я, вставая. – Спасибо за предложение, но нет.

– Панов! – крикнула Галя. – Куда лыжи наострил? Сказано – в больницу, собрался и поехал! Это требование санэпидстанции! Иначе – штраф. И прочие неприятности. Оно тебе надо?

– Листик бумаги у вас можно попросить? – Я опять сел к столу и достал из нагрудного кармана халата ручку. – Ага, вот спасибо.

– Ты что там пишешь, Панов? – не выдержала Галя через несколько секунд.

– Заявление, что же еще? Заведующего инициалы можно написать или полностью?

– Инициалы, – выдохнула она устало. – Стоп! Какое заявление? Ты что?! – выхватила она у меня бумагу. – Совсем уже озвезденели! До чего тут много умников развелось! По башке давно не получали?!

– Галина Васильевна, – подала голос Томилина, до сих пор молча наблюдавшая, как меня пытаются отправить в застенки. – Ну напишите, что он у меня дома на обсервации будет. Так же можно?

– Ну-у-у-у... Наверное, да.

– Вот и хорошо, – взяла меня за локоть Лена. – Мы тогда

пойдем. С Новым годом вас!

– И вас туда же, – пробормотала Галя нам вдогонку.

* * *

Как-то я совсем сплеховал. Могли бы наверняка в больницу отправить. А что, воздушнокапельная инфекция, опасность для окружающих. А у меня второго финальная фиброгастроскопия. Не время сейчас по инфекционным стационарам шастать. А свободы сейчас никакой нет. Возьмут под белые руки и отволокут. Имеют право. Вон, у кожных диспансеров есть патронажная служба, в которую обычно ментов в отставке набирают. Так как время суровое, то каждый случай вензаболевания подлежит госпитализации и расследованию. Выявляют все контакты. Без исключения! Кто, с кем, когда, в какой позе... Я, признаться, охренел в свое время, когда нам рассказали про двадцать с лишним половых партнеров сифилитика, которых выявили, обследовали и вылечили в трех республиках! А тут студентишка какой-то. Закрыть и пенициллином залить. Изнутри и снаружи.

Пока я думал, засунув одну ногу в штанину в пустой фельдшерской, пришла Томилина. Ого, а бодрость всю она растратила у Гали. Еще немного, и придется слезы вытирать.

– Ты что, Лен?

– Я вот думаю: а вдруг я заразилась? Бессимптомно. Может ведь быть такое?

– Да.

– Значит, и родители от меня... Возможно?

– Наверное.

Ну все, полились слезы. Как гласит старая еврейская мудрость, незачем переживать по поводу того, чего нельзя изменить. Но мы ведь можем?

– Андрей, мне страшно!

– Страшно, когда уже умер и успокоился, а доктор жаж тебя током – и опять на работу к девяти.

– Все тебе шуточки!

– Хватит рыдать. Звони родителям, что будешь у меня. Объясни ситуацию. Если надо, я за вещами поеду.

Говорю и лихорадочно соображаю. Сейчас отвезти Томилину на квартиру, оставить там. Пока она пойдет в ванную, быстро достать и спрятать подарки: золотую цепочку Лизе, пакет английского трубочного табака для Шишкина, платок с петухами для ее мамы и настольную игру с четырьмя бегемотами, жрущими шарики. Никогда бы не подумал, что такая фигня вызовет ажиотаж чуть ли не до реальных боев. В «Детском мире» отхватил. Табак реквизировал у Давида в обмен на «Графиню де Монсоро». А то у него угроза проблемы с зачетом образовалась, а препод, которому предназначался табачок, успешно исчез. За обычной цепочкой я выстоял полтора часа в очереди в ювелирный. А платок лежал у студента в зимних вещах. С подарками быстренько к Шишкиным, вручаю, сообщаю о страшной болезни – и на-

зад. Стратег! Гений планирования!

Лена вернулась. Глаза опять на мокром месте; слава богу, хоть не красилась, а то с водостойкой тушью у советских женщин тоже все хорошо. В кавычках.

– Что сказали?

– Переживают. Я дала твой адрес, они туда вещи и еду привезут.

– Бегом перезванивай! Ты не тот адрес дала! Там... совсем другой человек живет!

– А ты где?

– Дома. Только там с мебелью швах, и я прописаться еще не успел.

– И ты молчал?!

Все улетело на второй, третий и пятисотый план. Девушка узнала, что у кого-то новая квартира. И пусть весь мир рушится, но она должна сначала ее посмотреть!

– Да не о чем говорить, в принципе, было. Пока дом сдавали, потом ремонт вот только закончили... – голосом отличника-скромняги, как бы между прочим сообщаящего, что на перемене случайно доказал теорему Ферма, объяснил я.

– Адрес давай, родителям скажу, – потребовала Томила-на.

* * *

Добрались мы быстро. До метро нас любезно подбросили,

а там с одной пересадкой на «Площади Ногина» – и получаса не прошло, как на месте были.

– Ну вот, собственно, и хоромы, – приглашающе показал я рукой, после того как отпер дверь.

– Ой, а это кто такой, – наклонилась Елена. – Маленький какой! Симпатичный! Рыжик!

– Это самая большая ошибка в моей жизни, – буркнул я. – Это недоразумение пустили в квартиру для распугивания злых духов, но оно потерялось и прижилось.

Так и было. Пьяный воздух свободы сыграл с Плейшннером злую шутку. На радостях от обретения жилплощади мы с Давидом тогда и забыли про котенка, а вспомнил я про него, только когда приехал на объект принимать промежуточные итоги ремонта. Строители решили, что животное хозяйская, и начали от ложного чувства доброты кормить мурлыку. Тут же выяснилось, что это только желудок у котенка меньше наперстка, а прямая кишка у него как у слона. Ремонтники приучили его к некоему подобию лотка, но пушистая сволочь не всегда успевала донести сюрприз до места назначения.

Минуты две, не меньше, ушло у Томилиной на обнимки и поцелуйчики с чудищем, прикинувшимся милым котеночком. И только после этого она решила взглянуть на квартиру.

Осмотр, конечно же, начали с прихожей. За нее как раз не стыдно было. А что, на полу линолеум пристойный, не клеенка толщиной полтора миллиметра. Я хотел поначалу

паркет, но меня отговорили. Можно потом поменять. И вообще, сейчас лучше в монументальное не вкладываться, даже если деньги есть и просто из карманов валяются. Потому что советское – значит лучшее. И со временем оно только хорошеет. Там стенка сядет, там фундамент слегка поведет. Или крыша немножечко протечет. Не потому, что сволочи делали, просто обстоятельства так могут сложиться. А лет через пять – милости просим, паркет из карельской березы или китайский шелк с ручной вышивкой на стены. Что душа пожелает.

А вот из прихожей, как налево повернешь, попадаешь в гордость мою – отдельный санузел. Красавчики, все правильно сделали, как и положено. То есть можно подумать, что так и было. А это ошибочное мнение. Но зато теперь тот, кто решил помыть организм, не будет мешать тому, кто надумал в этот момент «припудрить носик». И наоборот, конечно же. В футбол не поиграть, а в кораблики – можно. И место для стиралки я отвел. Потому что на заводике в городе Кирове уже практически запустили производство «Вяток», которые автомат. Дорогая, зараза, но денежку на такое не жалко. Носки с трусами сами себя не постирают. А заводить специальную женщину для такого дела я пока не готов.

И плитку в местах общего пользования положили. Треснет от усадки – не беда. У меня запас есть. Так что стоит только зайти – и душа начинает радоваться. И не какой-то там повтор операционной, а нежный пастельный цвет, свет-

лая лаванда, от которого начинаешь чувствовать себя человеком. Понятно, что примелькается, но когда предложили этот вариант, сразу понял – мое.

Дальше кухня идет. Хорошая, почти восемь метров. К тому же – самое меблированное помещение. Ибо здесь есть аж три табуретки и холодильник «ЗИЛ». Ну и плитка газовая. Даже занавесок на окнах еще нет. Обживать, короче, и обживать.

– У тебя две... комнаты? – Еще немного, и у Лены упадет челюсть, как у персонажа мультфильма. Это она стоит в маленьком тамбуре, откуда открываются направо и налево двери в комнаты. Почти одинаковые, семнадцать и восемнадцать метров.

– И лоджия... – Я жестом волшебника открыл дверь и показал выход на лоджию. При желании там можно устроить небольшую общагу для гастарбайтеров.

– Обалдеть можно, – осела по стенке Томилина. – И я так хочу.

– Ну разменяйте свою двушку с доплатой, допустим, на две плюс одну, не знаю только, как это делается. Деньги есть. Будешь богатой невестой.

– Не, в невесты я не хочу, – медленно произнесла Лена. – Бывала я за этим вашим мужем, ничего хорошего. Мне свобода нужна.

Приятно слышать, но все же надо быть настороже. Некоторые дамы вот так говорят про свободу, а потом оказывает-

ся, что все-таки замуж хотели.

– Ну и коронный номер нашей программы, – показал я в угол, – надувные матрасы числом две штуки. На них мы будем спать.

И даже это не уменьшило энтузиазма Томилиной. Она еще раз прошлась по квартире, наверное, чтобы посмотреть, не пропустила ли чего. Вот что мне в ней нравится, она в мои вещи не лезет. И на той квартире не любопытствовала, и здесь поставленные в угол сумки с барахлом обошла, будто от них исходит какое-то опасное для нее излучение. Вот так и дальше делай, и мы с тобой не поссоримся.

– А что с мебелью собираешься делать?

На самом деле с мебелью случилась засада. Та, что была на «секретной» базе ЦКБ, куда мне оформил доступ Шишкин-старший, мне не подошла. Массивы из дуба и ореха, однотипные «горки» для гостиной в мрачных цветах... Начальник базы, щекастый колобок по имени Артур Ваганович, покивал на мои претензии и подсунул мне каталог с мебелью из ФРГ. Дескать, если надо, то можем окольными путями привезти.

– Дарагой, сам понимаешь... полторы цены.

Даже после оплаты кооперативной квартиры «бриллиантовые» деньги у меня еще оставались. Из семнадцати тысяч Бэллы Марковны семь я отдал кооперативу, две ушли на ремонт.

В заначке лежало восемь кусков. Как раз на неплохой «тю-

нингованный» «жигуль» последних серий. А тут надо сразу выложить шесть с половиной тысяч за кухонный гарнитур и спальню. И это без прихожей и кабинета! На них надо еще тысяч пять.

Да, Бэлла должна мне еще семь штук по расписке. И срок там – до конца января. В теории укладываюсь. А на практике свои колеса мне не светили, ведь квартиру нужно не только обставить – требуются посуда, шторы и прочие радости жизни. Да и с расписки половину тоже придется отдать.

– У тебя нет денег, – сообразила Томилина. – Хочешь, я отдам свои?

Я обнял Лену, поцеловал в шею:

– Я справлюсь!

– Могу тебе их дать взаймы! – Подруга все никак не могла успокоиться. – Ты столько для меня сделал...

– И сделаю еще. Но гусары денег с дам не берут!

– Ладно. – Томилина вздохнула, погладила меня по спине. – А гусары в магазин ходят? Нам бы хоть елку здесь поставить. Шипучка у меня уже есть! Думала, на работе за Новый год выпьем. А продукты родители привезут.

Лена открыла сумку – там была бутылка «Советского» шампанского.

– Я постараюсь побыстрее. Покорми пока животное. В холодильнике есть минтай. – Мне надо было отвлечь докторшу, чтобы забрать из сумок подарки для Шишкиных. – Хорошая задумка, но придется отложить распитие игристого вина до

Рождества как минимум. Мы же теперь вдвоем антибиотики пьем, не забывай.

— А как зовут котенка?

Упс... А имя-то рыжику я так и не дал.

— У него нет имени? — Томилина заметила мое замешательство.

— Шестьдесят второй, по номеру квартиры, — неловко пошутил я.

— Панов, ты дурак! Надо дать ему кличку!

— Я вернусь и сразу дадим. Иди, корми его уже. Слышишь, как орет...

Рыжик и правда вопил над своей миской на всю квартиру. Почуял слабинку.

* * *

Елку, вернее, сосну, купить еще реально. Не обязательно даже целое дерево брать — можно просто ветки повесить. Потому как необходимых для установки новогоднего дерева прилад у меня тоже нет. Так что ветки и игрушки. Я за здоровый минимализм. И выносить потом легче.

Неожиданно попалось такси, даже до метро дойти не успел. Вот и славно, меньше времени потрачу на толчею в общественном транспорте. Попросил высадить меня у телефона-автомата на углу дома. Сейчас позвоню, вызову всех на улицу. А то потом Анна Игнатьевна и могилу мою негаше-

ной известью зальет за то, что инфекцию к ней домой таскал.

О, а вот и костюмированный бал. Прямо на меня из подъезда вывалились Дед Мороз со Снегуркой. Наверное, новогодний рейд по заявкам. Снегурка только злая. Потому что дедулю приходится нести на себе.

– Ого, что же это товарищ так неаккуратно детишек по-здравляет? – спросил я носильщицу, прислонившую ценный груз прямо к телефонной будке.

– Да вот, сволочь, пришел с бодуна, два вызова обслужили, терпел, а тут вон, – сплюнула Снегурка, – стакан коньяка залудил, его и развезло на старые дрожжи. Нету спичек, парень? – Она выудила мятую пачку «Стюардессы».

– Не курю, – ответил я.

– Сейчас у Славика поищем. – Она быстро обшмонала карманы дедморозовой одежды, достала коробок спичек, явно побывавший в парочке автомобильных аварий. Прикурив, Снегурка с удовольствием глубоко затянулась.

– И куда же вы теперь? – спросил я.

– На базу, – устало ответила артистка. – Может, что по-трезвее найдут. Поможешь до машины оттарабанить? – И она кивнула на узик-буханку, стоявший шагах в пятидесяти. – А то Михалыч отказывается этих уродов пьяных таскать. Вчера вот такое же, – она презрительно кивнула на Славика, что-то невразумительно мычащего, – в ухо ему дало. Обиделся шоферюга наш.

– Конечно, помогу, – сказал я. – Слушай, а можно бу-

дет минут на несколько дедморозную форму одолжить? Мне знакомых поздравить быстренько – и я отдам сразу.

– Если ненадолго, то почему нет? – кивнула девушка, затянулась последний раз и бросила окурок в сугроб. – Понес-ли?

* * *

Минут через пять я вернулся к телефонной будке уже во всеоружии. Даже подарки переложил из «дипломата» в красный мешок. Черт, двушек нет. Ладно, тогда звонок для богатых, за гривенник. Они одинакового размера. Трубку сняла, судя по голосу, Инна, самая младшая Шишкина. С ней мы встречались аж однажды, когда она с Лизой приезжала. Помню, как же. Остальные встречи проходили без нее. Не могу сказать, что скучал без нее.

– Инна, здравствуй, это Андрей, приятель Лизы.

– Да уж мог бы не объяснять, не тупая, – выдала мне поздравление козявка.

– Ты с кем так разговариваешь? А ну дай трубку! – услышал я голос самой любящей меня женщины.

– Здравствуйте, Анна Игнатьевна, с наступающим! Это Андрей, – протарабанил я.

– Слушаю, – ответила она голосом столь же ледяным, как и трубка у меня в руках. Приходилось даже держать ее чуть поодаль от уха, чтобы не отморозить.

– Анна Игнатьевна, тут так получается, что я с вами сегодня не смогу Новый год встретить. Не могли бы вы выйти на улицу? Всем семейством, так сказать. Хочу вас поздравить.

– Наверх что, подняться не можете? Ногу сломали?

– В некотором роде да, Анна Игнатьевна. Пожалуйста. Я вас не задержу.

Мне показалось, что я услышал «Черт-те что творится» даже после того, как она повесила трубку.

Я вышел из будки и помахал рукой Снегурке, курящей у уазика: мол, все в порядке, красную шубейку и бороду на резиночке тырить не собираюсь. Ну и занял место на стартовой позиции напротив входа в подъезд.

Похоже, Шишкина-старшая решила показать чудеса скоростного сбора. Всего семнадцать минут понадобилось ей, чтобы мобилизовать и вывести на улицу все семейство. Очень уж ей хотелось увидеть меня с видимыми повреждениями организма, не иначе.

Первые несколько секунд они никак не реагировали, только Лиза крутила головой во все стороны, выискивая меня, наверное. А меня посчитали очередным ряженым, который идет в их подъезд. Так что для них всех было сюрпризом, когда я подошел и притворным дедморозным басом закричал:

– Дорогие Шишкины, позвольте поздравить вас с наступающим Новым годом и вручить подарки!

– Андрюшка! Ты? – крикнула Лиза, улыбаясь от уха до уха, и шагнула ко мне.

– Стоп! – выставил я руку вперед, будто супермен, собирающийся остановить КамАЗ, мчащийся на полной скорости. – Не подходи близко!

– А что случилось? – удивленно спросила Елизавета. Но остановилась, как ни странно. И улыбаться не перестала. Может, подумала, что это часть шоу.

– Да ерунда. Мы сегодня на вызове были у инфекционного больного. Ничего страшного, но на всякий случай надо побережся. Подарки были упакованы задолго до, так что вам надо только пакет для профилактики спиртом протереть. Или уксусом.

– Коля, стой! – крикнула Анна Игнатьевна, когда Шишкин-старший шагнул ко мне. – Ты что делаешь?

– Что было-то? – спросил он, не обращая внимания на жену.

– Менингит. Но я в маске был, в перчатках, и антибиотики принимаю...

– А, фигня, – махнул он рукой. – Давай, что там у тебя?

– Вот, – достал я пакет из мешка. – Надеюсь, разберетесь, что кому. Но на всякий случай: табак – вам, бегемотики – Инне, а платок – Анне Игнатьевне.

– А мне что? – спросила Лиза.

– Что останется, все тебе, – сказал я. – Счастливого Нового года!

Артисты подвезли меня до елочного базара. Вредная все-таки работа у них. Железная печень нужна, чтобы праздники пережить. Но и заработать шанс тоже есть. Как в том анекдоте, где наш актер из провинциального ТЮЗа отказывается от съемок в главной роли у Спилберга из-за елок.

И игрушек купил. Стеклянные яблоки, шары, шишки, сани с Дедом Морозом, румяную Снегурку. Красота. Лет через сорок такое будут продавать за сумасшедшие деньги, а сейчас копейки стоит.

А ветки мне еловые так отдали: мол, все равно выбросили бы. Мелочь, а настроение подняли. Даже захотелось запеть припев самой известной песни про первоянварское утреннее похмелье. А она написана уже? Да! Вон, из колонок где-то звучит, как по заказу поставили: «Happy new year, happy new year, may we all have a vision now and then of a world where every neighbour is a friend».

У подъезда столкнулся с родителями Томилиной. Мы с ними почти врезались друг в друга в дверях, я еле отпрыгнуть успел. С отцом ее, Александром Тимофеевичем, я ни разу еще очно не встречался. Впечатление произвел самое благоприятное. Такой седоватый морщинистый колобок лет пятидесяти с лишним. А мама Лены, как увидела меня, сразу улыбаться начала, сбросив обеспокоенное выражение лица.

– Здравствуйте. Извините, что не подхожу – сами понимаете.

– Да уж, угораздило вас, – угрюмо сказал Томилин. – Не повезло.

– Да все в порядке будет, вот увидите, – попытался успокоить я их.

– Мы там вам еды привезли, – начала рассказывать Клавдия Архиповна, – чтобы отметить было чем. Телевизор отец приволок.

– «Юность», хоть и маленький, но показывает – о-го-го, – не удержался от похвальбы Томилин. – Ленка знает, что там к чему. Ладно, неси свои ветки, с Новым годом тебя.

– И вас с праздником! – крикнул я и побежал к лифту.

Глава 4

– Дорогие друзья! Кремлевские куранты отсчитывают последние минуты тысяча девятьсот восьмидесятого года.

Причмокивающего Брежнева удалось включить в самый последний момент – «Юность», которую привезли родители Томилиной, все никак не хотела настраиваться, пришлось закреплять антенну за окном. На улице выла выюга, снег слепил глаза.

– Уходящий год вобрал в себя многое: были в нем трудности и огорчения, были и успехи и радости. Но провожаем мы его с добрым чувством. В год славного ленинского юбилея советские люди поработали самоотверженно и вдохновенно...

– Неужели ему не могут в ЦКБ сделать нормальный зубной мост? – Лена внимательно смотрела выступление генсека, можно сказать, внимала каждому слову.

Брежнев и правда говорил невнятно, выглядел откровенно плохо. Сколько ему еще осталось? Чуть больше года. В ноябре теперь уже следующего, восемьдесят второго, начнется гонка лафетов, после Брежнева умрут Цвигун, Суслов...

– В этой пятилетке сделан крупный шаг в развитии экономики. Повысилось благосостояние народа. Более пятидесяти миллионов человек справили новоселье...

– Его на сильное снотворное подсадили плотно. – Я хлопнул пробкой шампанского, разлил символически шипучку по обычным стаканам: бокалов у меня дома не было. – Поэтому и дикция нарушилась.

– Откуда ты это знаешь?

– У нас на курсе девочка учится, а у нее папа в ЦКБ работает.

– Что за девочка? – Томилина ревниво на меня посмотрела, не выдержала, ущипнула за ляжку.

Мы валялись на матрасе абсолютно голыми – сразу после возвращения от Шишкиных я предложил произвести взаимный осмотр на предмет менингококковой сыпи. Процедура слегка затянулась, финал вышел бурным – Лена даже несколько раз ударилась головой о стену. Одеваться после секса было откровенно лень, да и праздничной одежды с собой у Томилиной не было. Остались голыми. Подруга сначала стеснялась, но потом привыкла, даже не боялась подходить к окну, благо метель скрывала все лучше любой шторы.

– Какая тебе разница? – Я ущипнул докторшу ответно. – Неужели ты меня ревнуешь?

– Вот еще! Это меня все ревнуют!

– Ты про своего бывшего?

– Да. – Томилина тяжело вздохнула. – Следил за мной, буквально ни на шаг от себя не отпускал.

– Поэтому вы развелись?

– Я не хочу про это! Давай не в Новый год... Вон уже ку-

ранты бьют.

Мы начали дуэтом считать удары, на последнем, двенадцатом, чокнулись, поцеловались. Жадно набросились... нет, не друг на друга, а на пирожки и салаты. Типичное новогоднее трио: мимоза, оливье и шуба. Я, правда, жадность тут же умерил: не хватало еще из-за такой ерунды запороть финал нашего опыта.

– М-м-м, как вкусно. А у тебя мама хорошо готовит.

– Это папа. У него настоящий дар, мог бы стать отличным поваром. – Лена отложила тарелку. – Слушай, если Брежнев так плох, он и умереть может!

– Ждать недолго, – покивал я.

– И кто же вместо него будет?

– Андропов.

– КГБ? Может, это и к лучшему: наведут в стране порядок.

– Андропов и сам плох. У него почки отказывают. Пересадку первому лицу делать не будут, сама понимаешь – операция сложная, исход не очевиден, он сам на такое не пойдет. А искусственная почка – не выход, она проблему не решает. Вот и получается, что если залез на самый верх больным, то надежды не остается.

– Это тебе Шишкина сказала?

– Лен, какая разница кто? Важно то, что нормальной власти теперь не будет. Сначала чехарда умирающих дедов, потом, бабке не ходи, в ЦК решат, что нужен молодой, пер-

спективный. Под которого не надо сразу бронировать место у Кремлевской стены. И это, чую, может плохо кончиться.

– Почему?

– Молодой решит реформировать Союз. Покатается по западным странам, посмотрит, как шоколадно там живут. Вот и захочет так же.

– Разве это плохо? На Западе и правда хорошо живут. Богато, безопасно. Вон у тебя «Волкман» лежит. Не у нас сделали! Или вон твои джинсы. «Левайс»?

– Да, американские. А плеер – японский. Лен, дело же не в шмотках.

– А в чем?

– В том, что рынки все поделены, и встроиться в глобальный миропорядок можно только донором. Наша плановая экономика, конечно, отстой – неповоротливая, заточена на ВПК, но и рыночных отношений у нас нормальных не будет. Разрешить частную собственность, открой биржи, вот буквально все скопируй с Запада – и получится ужас и ад кошмарный.

– Станный у нас разговор выходит на Новый год... – Лена прикусила губу, протянула мне стакан. Я налил еще по глотку шампанского, разложил оливьешки.

– И почему у нас не может получиться, как на Западе? – Томилина отпила шипучки, облизала язычком пухлые губки. Мой взгляд скользнул ниже, к высокой груди, торчащим соскам...

– Смотри в глаза, Панов! – Подруга опять ущипнула меня.

– Лен, пойдем погуляем, – взмолился я. – Новый год же!

Небось народ уже на улицах.

– Во-первых, метель. Во-вторых, у нас карантин. В-третьих, мне интересно, почему у нас не может быть, как на Западе! Сказал «А» – говори «Б»!

О как все разложила по пунктам...

– Ты видишь яркую витрину. А что за ней? Вот честно. Все устроено именно так, как рассказывает Бовин в «Международной панораме». Неоколониализм, выкачивание ресурсов со всего мира. Сейчас американцы сделают из Китая дешевую фабрику, вынесут туда все свое дорогое и грязное производство. Витрина станет еще ярче и чище. Но у нас-то колоний нет! Наоборот, СССР сам помогает всем странам, вставшим на социалистический путь развития. Так что нет, не получится, как на Западе. Любая попытка поиграть в капитализм для нас плохо кончится.

– Чем?

– Союз развалится, войны начнутся...

– А ты точно на доктора учишься? – Лена закусила губу, покачала головой. – Рассуждаешь, как профессор МГИМО...

Я пощелкал переключателем телевизора. На Первом канале шел «Голубой огонек», юморили Ширвиндт и Державин, на Втором показывали какой-то отрывок из балета.

– Если СССР развалится, надо же что-то делать! – Лена

все никак не могла уняться.

– Ты права. Объявляю собрание тайного общества «Спасателей СССР» открытым. Слово предоставляется мастеру стула, – я похлопал рукой по табуретке, – Елене Красная Звезда Томилиной!

– Дурак! – Подруга пихнула меня в бок, расплескала на нас шампанское.

Я тут же попытался слизнуть капли с ее груди, получил еще один шуточный тычок. Отставил свой стакан, уже всерьез впился поцелуем в шею Лены.

– Вот что ты делаешь, а? Ох, ладно, не останавливайся...

* * *

На улицу я выбрался только второго числа. Не знаю, кто как, а я – на съемки. Даже самому не верится, что в последний раз. Дальше я согласен по теоретической части. Там работы – непочатый край. Набирать статистику, обрабатывать – короче, рутина. Но вот на таком как раз наука и делается. Надо сделать так, чтобы ни у кого даже тени сомнения не возникло.

Может, из-за того, что процедура уже не новость, или из-за праздников, но присутствовали сегодня только те, кто должен быть по велению долга. Разделся, сел. Запихнули шланг, сфотографировали, посев взяли. Теперь ждать только.

– Ну, что там? – спросил я у эндоскописта.

– Не видел бы все с самого начала, сказал бы: ничего и не было. Поздравляю!

– То есть и выпить, и закусить можно? А то Новый год, считай, впустую прошел.

– Теперь точно можно, – засмеялся коллега. – В меру только. Со своей стороны препятствий не вижу.

Тут дверь открылась, и вошел довольно неожиданный гость. Помнится, когда Чазов бросил свое «ерунда», у меня надежды на его поддержку чуть подугасли. Ждал, что хоть мешать не будет. Но сегодня академик был в отличном настроении и прямо-таки излучал позитив.

– Докладывайте, – обратился он к Морозову.

– Все прошло штатно. Полное выздоровление, – коротко обрисовал обстановку мой начальник.

– Молодцы! Статья?

– В «Терапевтический архив», февральский.

– Вот это оперативность, хвалю! – Чазов был похож на генерала, принимающего доклад об окружении всей армии противника. – Давайте, готовьте для зарубежной публикации. Думали уже?

– Да, в «Lancet» и «Nature», – коротко ответил Игорь Александрович.

– Ого, на мелочи не размениваетесь! – засмеялся академик. – Наверное, так и надо – сразу приоритет заявить. Чтобы рыпнуться никто не смог! Работайте, если что, с оформлением, переводом, не стесняйтесь, поможем. В кратчайшие

сроки. – Он вдруг повернулся ко мне. – У тебя в институте в порядке все?

– Да, – кивнул я. – Никаких проблем.

– Осторожнее там, чтобы ни к чему придраться не могли. Мы защитим, не сомневайся, но повода лучше не давать. Понял?

И вот тут меня накрыло. Дошло наконец-то, что в нас поверили и поддержка будет по самому высокому разряду. На нас сделали ставку. Мы должны показать результат. Такой, чтобы все знали, кто это сотворил. Ну и откуда эти ребята – тоже. Я только кивнуть смог. Сегодня точно напьюсь. Хоть и решил не с утра, как в песне.

* * *

Пока закончили оформлять все бумаги, праздничное настроение немного схлынуло. Работы впереди – непочатый край. А начальство – оно сегодня с тобой лезгинку отплясывает, а завтра – ходь сюда, че скажу, молчать, кого спрашиваю. Вот как случится, тогда и отпразднуем.

Я уже оделся и собирался уходить, когда вспомнил: надо же Гале позвонить, узнать, как с работой. Старшая фельдшерница обрадовала:

– Панов, голубчик, в каких хоть пещерах вы с Томилиной скрываетесь? Звоню ей домой – нет вас. И не было. Значит, слушай меня. Там в СЭС напутали перед Новым годом, я то-

же закрутилась. Первый мазок не в счет. Завтра утром чтобы как штык у меня тут были, повторно сдадите – и опять в карантин. Ты только смотри, Панов, осторожнее там, чтобы у меня летом докторша в декрет не пошла! – Она засмеялась своей же шутке. – Все, вперед и с песней!

И я поехал домой. Зашел по дороге в магазин, но там после новогодних застолий как в пустыне. Купил сосисок, хлеба и яиц. Из такого сочетания продуктов можно примерно сто блюд приготовить.

* * *

Короче, ни я, ни Лена, ни даже Харченко ничем не заболели. И никто даже бессимптомно не таскал возбудителя. Обошлось.

Я отнес паспорт на прописку, написал заявление на установку телефона. Потому что оказалось, в нашем районе это совсем не дефицит. Изъявил желание – получай. Обрастаю полезным барахлом. Ну, в общем, это были все новости. Потому что мы сидели у меня дома. А еще больше – лежали.

Я подгонял знания: скоро зачетная неделя, за ней – сессия. А Томилина сначала прочитала, как она призналась, по третьему разу «Графа Монте-Кристо», а потом засела за выданный ей томик Мандельштама. Стихи ей пришлось по душе, и Лена поражала меня неожиданными цитатами, что говорится, вырванными из контекста. Получалось очень смешно.

но: поэт оказался беспробудным пьяницей, ходоком и мазохистом.

Конечно, это было намного радостнее, чем проклятая политекономия. Хорошие «каникулы» получились. Веселые.

Седьмого пошли на работу. В самый раз на Рождество. Странно, но кроме меня никто и не вспомнил. День как день. Даже гипертонические бабушки, к которым мы ездили с самого утра, с праздником не поздравляли. Удивительное дело, как все эти люди через очень короткое время станут православными по самое темечко и будут обсуждать в беседах особенности церковных праздников и их влияние на проращивание помидорной рассады на подоконнике.

Уже ближе к вечеру мы попали к одной женщине. У дамы приключилась вертебро-базилярная недостаточность – жестокое головокружение, тошнота и рвота из серии «дальше, чем видишь». Вот мы сидели, я медленно вводил ей в вену пираретам, а Томилина тихонечко, чтобы не мешать громкими звуками, разговаривала с ней о всяком женском. Салатики красоты, овсянка, маски все эти кошмарные – короче, вся та фигня, которой дамы маются в попытках стать еще красивее. Ибо пациентка оказалась специалистом института красоты. Так что теперь я знаю, где искать Лену, когда она не на работе. Потому что занятие это длится бесконечно.

Вот эта специалистка по красоте и поделилась своим горем. Ей самой уже, мягко говоря, за тридцать. В молодости случилась внематочная, отчикали левый яичник с маточной

трубой. Недавно вышла замуж, он моложе, очень хочет детей. Они всю старались, но как-то не получалось. И вот у этой женщины случается аппендицит. С каким-то непрым расположением отростка. Короче, в итоге ей вместе с червеобразным отростком удалили яичник. Правый, единственный. Потом получилась целая самтыбарбара с избитым хирургом, уголовным делом за причинение средней степени тяжести вреда здоровью, ибо одно яичко доктору пришлось удалить, закрытием дела, потому что следователь – женщина, и браком, трещащим по швам, ибо мужик детей все же хочет.

– Как самочувствие? – влез я в беседу, пока охи Томилиной ненадолго затихли.

– А вы знаете, в глазах посветлело, – чуть подумав, сказала она. – Давайте я вас чаем... – И она собралась вставать.

– Куда?! – прижал я ее голову к подушке. – Лежать и голову не поднимать! А то повторится все опять! Лучше даже в туалет на месте. Муж-то ваш когда домой вернется?

– Так вечером, – почему-то засмушалась пациентка. – Он поехал в Калининскую область, что-то с машиной там, обещали починить. Он же за девочкой поехал, домой забрать. Мы ее удочерили, вот такая история.

* * *

Только вышли, отзвонились – опять головная боль с тош-

нотой. Ну что ты сделаешь – парный случай. Жалостливая Лена всю дорогу шмыгала носом. Не видела она еще мыло-драм на тыщу серий, там такие сюжеты – мозги набекрень слетают. А тут все просто: родить не может, девочку удочерили. Уважаю, молодцы. Блин, надо, наверное, водку пить начинать. Что-то я расчувствовался опять.

Интересно, есть книга «Что такое не везет и как с этим бороться?». Лифт отключили на технические работы. Седьмой этаж, однако. Пошагали. Одно счастье: дом какой-то козырный, и потому все площадки освещены, чистые и даже из мусоропровода не воняет.

Пока шли, Лена в очередной раз жаловалась, что деньги дома хранить не может.

– Я постоянно боюсь, что их родители найдут. Это знаешь, как в школе, когда решили с подружками вина выпить, бутылку у тебя спрятали, и ты палишься каждый раз, когда кто-то в твою комнату заходит. Я знаю, что в мои вещи они никогда не полезут, но все равно стремно.

– Это как в том анекдоте, где врач больному про выигрыш сообщает. Помнишь? – И увидев, как Томилина отрицательно машет головой, рассказал: – Мужик лежит в больнице после инфаркта, постоянно осложнения вылезают, хреновый, короче. И тут приходят родственники, говорят, мол, он в «Спортлото» десять тыщ выиграл. Все цифры угадал. Боимся, помрет с радости. «Никаких проблем, – говорит врач, – сейчас». Пошел к инфарктнику, завел беседу: мол, что де-

лать будешь, если сотку выиграешь. Тот: «Всех в кабак поведу, праздник устрою». – «А тыщу?» – «Тогда, доктор, тебе и жене твоей подарков бы надарил, на всю жизнь запомнили бы». – «А десять тыщ?» – «Да половину тебе отдал бы». Тут доктор схватился за сердце и помер.

– Вот и я боюсь, как бы не помер кто, если денежки обнаружит, – сказала Лена, отсмеявшись. – Нет, правда, давай в твоей квартире перепрячем. У тебя, кроме Кузи, дома нет никого.

Почему-то Томилина решила, что Кузей звали мальчика из мультика «Рыжий, рыжий, конопатый». И стояла на своем до последнего. К сожалению, ютьюба, равно как и интернета, у нас не было, поэтому я решил просто сдаться. Имя простое, не выпендражное, и произносить его строгим голосом, давая понять, что на столе коту делать нефиг, будет просто. Когда стол появится, конечно.

Не знаю, как там у женщины пятидесяти двух лет, к которой нас вызвали, но у меня голова заболела сразу. Потому что в квартире было такое амбре... Представьте себе общественный туалет на колхозном автовокзале. После трехдневной ярмарки. В тридцатиградусную жару. Так вот, сортир на десять посадочных мест проиграл бы этой московской трехкомнатной. Здесь воняло не мочой, а натуральным, извините, ссаньем. А хозяйка бомжихой не выглядит. И в квартире, несмотря на запах, дорого-богато: паркет, ме-беля, хрусталя. Сама дамочка лежит и охает на вполне пристойной двуспал-

ке.

Встретила нас не очень приветливо:

– Сколько вас ждать можно? Срочно сделайте мне противосудорожное! Куда вы ставите свой ящик? Там скатерть лежит! Не видите, что ли?

Томилина не то придышалась, не то терпеливая такая, начала нежным голосом расспрашивать, что да как, пока я давление с температурой мерил. Выяснилось, что дамочка начиталась самиздатовских книжечек про уринотерапию и решила стать молодой и красивой. Жидкость она пила сырой, умывалась, полоскала рот, делала клизмы и примочки, для чего упаривала ценный продукт до нужной концентрации.

Ох уж этот самиздат, какой только ереси там не было! А вы думаете, одного Солженицына и «Хронику текущих событий» распространяют? Как бы не так! От «Камасутры» и кулинарных рецептов до астрологии и вот таких, прастихоспаде, «терапий».

Красота, как выяснилось, почему-то не возвращалась, и подвижница урофагии пошла на хитрость – удвоила дозу. Вот сегодня появились головная боль, судорожные подергивания мышц ног и тошнота.

– У вас начала развиваться почечная недостаточность, – весьма резонно заметила Елена. – В стационар ехать надо, дома не получится поправиться.

Началась торговля. И вовсе не потому Томилина настаивает на госпитализации, что так за тетеньку переживает. Та

сама виновата. Поедет как миленькая, не сегодня, так завтра. Просто ей сейчас что ни коли, сразу легче не станет.

И она что сделает? Правильно, позвонит в скорую. И давай, седьмая бригада, вне очереди на повторный вызов. А оно нам надо? Мне и одного раза за глаза хватит.

Щелкнул замок в прихожей, и к нам присоединился четвертый участник. Действие второе. Те же и недовольный мужик в ратиновом пальто.

– Рая, зачем ты вызвала этих? – Он кивнул в нашу сторону с таким презрением, что я невольно начал искать в его внешности общие черты с незабвенной Анной Игнатьевной. – Сказал же: жди. Сейчас приедет нормальная бригада, из ЦКБ. Вы все? – повернулся он к Елене. – Свободны.

– Мы не к вам приехали, – встала в позу Томилина. – И не вам помощь оказываем.

– Да, спасибо вам, – влезла как-то виновато дамочка. – Мы другую бригаду подождем.

Мы вышли и спустились на площадку между седьмым и шестым этажами. Лена остановилась и спросила:

– У тебя нет случайно карамельки какой-нибудь? Сосательной. Мне кажется, этот запах у меня в кости въелся. Хорошо еще, что дерьмом мазаться пока в моду не вошло.

* * *

Зачетная неделя промелькнула – не успел заметить. Сда-

вал всегда первым, чтобы побыстрее освободиться и успеть поделаться всякие дела. Тем не менее институт крови попил. Причем необычным образом. Пропал Давид. С этими марафонскими забегами между кафедрами быстро перестаешь понимать, кого и когда ты видел. Выяснилось, что он не получил зачет на военной кафедре. И еще где-то, тут сведения не совпадали. А за «хвостовкой» в деканат не пошел. Значит, все экзамены под угрозой – допуска нет.

Подался к нему на съемную квартиру и застал картину маслом: товарищ впал в депрессию. Открыл мне дверь, но сразу лег на кровать, накрылся одеялом. А у самого – как у той «бомжихи» с выезда: грязно, тараканы чуть не пешком ходят.

– Что случилось? Мне Серафима весь мозг маленькой ложкой выела: помоги Давиду, помоги Давиду... А чем? Никто ничего не говорит, тайны мадридского двора...

– Нет никаких тайн, – буркнул парень. – Сессию я завалил. У меня два хвоста плюс военка, к экзаменам не допустят.

Вот это номер.

– Ну ладно, преподу по психиатрии ты с рыбками насолил. Тут все понятно. А еще кто?

– На гинекологии тоже конфликт, Гришечкин меня валил. На «войну» я опоздал... За «хвостовкой» не пошел...

Вот же раздолбай!

– Родители узнают – отец убьет. – Давид сел в кровати, закрыл лицо руками. – Позор на весь Сухуми... Ашхацаву

выгнали из института!

Я покивал, задумался. И как тут можно помочь?

– Еще и в армию загребут... – Давид пошарил под кроватью, достал початую бутылку с вином.

– Отдай! Я сказал: отдай! – Я вырвал бухло из рук парня, сходил, вылил его в раковину на кухне. Вернувшись, сел за стол, поставил рядом второй стул.

– Иди сюда, будем тебя спасать.

– Все бесполезно. – Ашхацава махнул рукой. – Меня отчислят.

– Давай поборемся, есть идея.

Давид сел рядом, я дал ему лист бумаги, ручку.

– Так, пиши первое заявление. На имя декана. Так, мол, и так, из-за личных неприязненных взаимоотношений такие-то преподаватели отказываются объективно оценить мои знания. Прошу назначить пересдачу в составе комиссии, пропусков занятий без уважительных причин не имею, текущая успеваемость хорошая.

Парень удивленно на меня посмотрел, но заявление написал.

– Поставь дату, распишись. И сделай копию.

– Зачем?

– Пиши!

Давид написал.

– Теперь еще одно заявление. На имя проректора. Декан Бажанов из-за неприязненных личных взаимоотношений от-

казывается назначить мне пересдачу зачетов. Прошу разобраться в вопросе и восстановить учебный процесс. Написал? Тоже копию давай.

Парень пожал плечами.

– Подотрутся они этими бумажками... Ну ладно, вот тебе копия.

– Не подотрутся. Пиши в прокуратуру. На лечебном факультете Первого ММИ имени Сеченова за сдачу зачетов вымогают взятки. Прошу разобраться в вопросе и восстановить социалистическую законность.

– Я не буду это писать! – Давид помотал головой. – За такое прилетит.

– Не прилетит! Возьмем декана на слабо.

– Бажанова?

– Или его, или проректора. Побоятся связываться. Ты, главное, когда будешь копии подписывать, что, мол, «ознакомлен», держи другие заявления в руках и ненароком покажи их.

– Да им пофиг...

– Это мне пофиг. Делай как я говорю! Теперь пиши заявление в ЦК КПСС...

Вот тут-то Давида по-настоящему проняло.

– После такого мне хана!

– В армию хочешь? Ну ладно, тебе жить. В Афгане бери дубленки с вышивкой. Хорошо в Союзе идут...

– Каком Афгане?! – Давид запаниковал.

– Ну, страна такая, на юге. Мы в ней воюем с пакистанцами, пешаварами всякими... Загоришь, подкачаешься, бегая с автоматом и в бронеике по горам... Сделают там из тебя настоящего мужика! Конечно, если жив останешься.

Парень вытащил чистый лист бумаги из пачки, спросил:

– Что писать в ЦК?

Глава 5

Не то что я перестал даже вспоминать про труп чекиста – прекрасно понимал, что не отстанут. Особенно в таком деле. Этим уже вроде должна Генеральная прокуратура заниматься, но от этого легче не становится. Так что ждал.

Утром двадцатого меня встречали с экзамена прямо как туза какого-то: «копейка» защитного цвета стояла у крыльца института. Ясное дело, я на нее внимания не обратил, мало ли какие машины тут стоят с утра пораньше. На тротуар не выезжают, как при развитии капитализме, и ладно. К тому же я был занят: оборонял остатки своего головного мозга от поедания. Нет, ну на кой ляд мне после экзамена выяснять отношения с Шишкиной? Сказал же: времени нет на гулянки – работа и учеба. Нет же, стандартные женские обвинения и требования.

Я проводил взглядом счастливых студентов, не имеющих подобных проблем, и вновь повернулся к Лизе.

– Слушай, давай уже после экзаменов. Обещаю, все будет по высшему разряду.

– Кстати, а где ты был позавчера?

– На работе. А что?

– Блин, не посчитала твои дежурства. Заехала к тебе, а там этот орангутан Давид открывает в одних трусах, глазенки трет. И не признается, где тебя найти.

– Учится человек.

С Давидом все получилось просто великолепно. Николай Николаевич Бажанов, наш декан, вылечил его от депрессии посредством наложения рук. Вернее, одной руки, правой. Именно ею он отвесил представителю княжеской фамилии смачный подзатыльник. После чего порвал все его заявления, включая обращение в Центральный комитет КПСС, позвонил на гинекологию и военным товарищам и отправил Ашхацаву учиться. А заодно чистить от снега двор военной кафедры. Так что теперь надежда абхазской медицины медленно, но уверенно догоняла одноклассников по трудной тропе экзаменационной сессии.

– Меня не интересует твой дружок, – пошла в атаку Лиза. – Меня интересует, что у нас происходит в отношениях!

– Да все у нас нормально, что ты генеришь?!

Я сделал честные-пречестные глаза.

– Мы редко встречаемся, ты с моим отцом больше общаешься, чем со мной!

– Я тебе обещаю! На зимние каникулы поедem отдохнуть куда-нибудь. Домбай тебя устроит?

Лицо Лизы просветлело:

– Конечно, устроит! А ты умеешь кататься на горных лыжах?

Вот тоже мне задачка.

– Научусь, – буркнул я, натягивая шапку. Когда же уже кончатся эти снегопады? Хотелось весны.

– Гражданин Панов? Андрей Николаевич? – оборвал нашу увлекательную беседу суровый мужской голос.

Не то чтобы тональность какая-то угрожающая слышалась – так, тенорок, никаких громовых раскатов, но когда к тебе вот так обращаются, то и фальцет испугать может. Я повернулся. Мужик, чуть за тридцать, в болоньевой курточке классического немаркого цвета и костюме отечественного покроя с чуть топорщащимся пиджаком. Рядом еще один – крупный, усатый, курит папиросу.

– Ну я Панов, – медленно ответил я, соображая, по какому ведомству эти товарищи проходят.

– Капитан Мухаметдинов, управление внутренних дел по Волгоградскому району, – на одном выдохе проговорил левый и даже показал мне развернутое удостоверение. Вверх ногами правда, но сам факт! – Проедьте с нами, Андрей Николаевич.

– Для чего?

– Побеседуем. Просто поговорим. Я потом вас домой отвезу, в целости и сохранности. – Он даже улыбнуться попытался. Железный клык на верхней челюсти продемонстрировал, по крайней мере.

– Мне звонить папе? – пискнула Шишкина.

Я быстро поразмыслял. Если бы арестовывали, скрутили б – и в машину. Нет, тут что-то другое...

– Пока не надо. – Я успокаивающе положил руку на плечо девушке. – Езжай спокойно домой. Я отзвонюсь.

Многозначительно посмотрел на ментов. Поняли или нет? Вроде да. Переглянулись даже.

– На чем поедем? – спросил я. – И куда?

– Да тут рядом совсем, – сказал он и махнул рукой на грязную «копейку» болотного цвета. – Вон машина.

Мы подошли в «копейке», и я даже потянулся открыть переднюю дверцу, но тут сзади усатый не совсем вежливо прихватил меня за плечи и довольно грубо затолкал на заднее сиденье. А потом кто-то совсем уже неласково подвинул влево, так что я оказался прямо за водителем. Я повернул голову вправо и увидел сидящего рядом со мной какого-то хрена в ментовской шинели с погонами сержанта. Мухаметдинов сел вперед, хлопнул дверцей.

– Поаккуратнее, – вякнул я и вытянул ноги.

– Помолчи там, – рыкнул сержант, выдав изо рта сложный аромат смеси дешевого табака, подсолнечных семечек, колбасы и кариесных зубов.

Мы поехали. Причем явно не в Волгоградский район, а совсем в другую сторону. Кружил Мухаметдинов так высокохудожественно, что только моя скоропомощная привычка запоминать дорогу дала мне ответ: путь наш закончился в каких-то гаражах в Раменках.

Пока ехали, я слегка успокоился. Убивать точно не будут. На кой хрен им тогда светиться перед кучей свидетелей, показывать удостоверение, машину, сержанта этого вонючего? Подстерегли бы в менее людном месте и тюкнули. Так

что пугать будут. Как пел главный советский пацифист Леопольд, неприятность эту мы переживем.

Сержант отработал роль злого копа до конца: выдернул меня из машины, так что чуть не оторвал рукав модного пуховика небесного цвета. Следующим движением он уже заталкивал меня в гараж под номером тридцать семь. После этого он решил, наверное, что акций устрашения достаточно. По крайней мере, внутрь он не заходил. Усатый и Мухаметдинов тоже остались на улице. Только тут я начал переживать за судьбу «дипломата», оставшегося в машине, но вряд ли меня кто пустит назад.

А ничего так у милиционеров секретные бункеры оборудованы. Стены кафелем обложены, стеллажи такие... уверенные. В яме фонарьпереноска горит, не то выключить забыли, не то антураж создают. Сверху – традиционные для гаражей лампы дневного света.

– Сюда проходите, Андрей Николаевич, – послышался голос из угла.

Ого, да тут у нас выездной кабинет следа-ка! Стол однотумбовый – одна штука, стул для присутственных мест неудобной конструкции – тоже один. На чем там сидит обладатель голоса, рассмотреть не могу, потому как на столе стоит лампа настольная, повернутая ко мне. А в нее абсолютно неэкономно вкручена лампочка ватт на двести, если не больше. Счетчик здесь, несмотря на двухкопеечный тариф, должен показывать при такой расточительности выдающие-

ся результаты.

Раз зовут, пройду. Не напрасно же я трясся по ухабам. Сел на стул, чуть подвинув его, и хамски развернул лампу от себя. Не тридцать седьмой год. «А только гараж», – некстати хихикнул в голове внутренний голос.

– Слушаю вас, – откашлявшись, как докладчик из общества «Знание», сказал я. И замолчал, разглядывая моего «потрошителя». Нет, не впечатляет. Лошадиное лицо, весь какой-то скособоченный, взгляд унылый. Такие утюг на грудь не ставят – в бухгалтерии работают.

А мой визави тоже молчал. Зачем-то выложил на стол казенный «макар», начал разбирать его, но потом бросил эту затею и вернул пистолету целостность. Но не спрятал. Наверное, вот в этот самый момент я должен испугаться очень сильно. А меня смехотунчик пробил. От нервов, наверное. Пришлось достать носовой платок и покашлять в него.

– Сегодня, Андрей Николаевич, вам принесут повестку из прокуратуры, – начал «бухгалтер». – На завтра. На ваш новый адрес, не в общежитие, которое вы так хитро указали.

– Принесут, так схожу, – ответил я. – Мне прятаться зачем?

– В прокуратуре с вами встретится следователь по особо важным делам Прокуратуры СССР Калиниченко, – продолжила «лошадиная морда». – И вы, Андрей Николаевич, когда будете рассказывать об известном вам случае, должны забыть о ранах на голове трупа, синяках.

– Так там же свидетелей куча, вскрытие, опять же... – пожал плечами я.

Главное – не борзеть. Дослушать до конца и уйти. А то еще решат на всякий случай по почкам приложиться. Для закрепления результата. Как-то не очень хочется.

– Вы о вскрытии не беспокойтесь, – успокоил меня аноним. – Этот вопрос решат.

Круто начал Щелоков прятать концы. Акт судебки поди скрой. Тем более что в бригаде этого прокурорского следака не только ментовские опера, но и люди КГБ. Интересно, а этих гавриков со Ждановской уже повязали или еще ищут?

– О маме подумайте, Панов, – продолжил давить «бухгалтер». – А то в Орле, говорят, хулиганы совсем распоясались. Да и в Москве тоже шалят, подонки. Вот недавно, представляете, за здорово живешь мужчину одного избили, инвалидом остался. А на нашу защиту, Андрей Николаевич, можете понадеяться. Главное, пришел, бодро доложил: мол, не помню про раны ни хрена – и домой, в новую квартиру. На врача учиться. Понял?! – вдруг гаркнул он, да так мощно, что будь я помоложе, труханул бы. А так жизнь меня била и кидала, и не такие кричали.

– Вы представьтесь, товарищ. – Я откинулся на спинку стула. – А то разговор какой-то неправильный получается. Вы меня знаете, даже родственников пробили. А я только корочку вашего Мухаметдинова успел прочитать.

– Не надо тебе знать мое имя, Панов. – «Бухгалтер» на-

хмурился. — Тебе надо врубиться: тут игры серьезные идут. Растопчут как муху.

Я покивал — типа понимаю, — но промолчал. Чего лезть в бутылку?

— Вот и молодец, — довольно подытожил мой собеседник, подумав, что я с ним согласился. — Иди. Домой тебя отвезут, как и сказали.

Вежеством тут и не пахло, так что я решил не прощаться. Какое, нафиг, «до свидания»? Мне с этим уродом встречаться больше не хочется.

Сержант и усталый куда-то делись, обратный путь я проделал в гордом одиночестве, сидя на заднем сиденье в обнимочку со своим черным «дипломатом». Водил указательным пальцем по кожаному боку чемоданчика и думал. Эти херы знают мой новый адрес, где живет мать студента, где он был прописан и где учится. Плюс расписание экзаменов. Все это фигня, любой мент такую информацию нароет, не отрывая жопы от стула. Что дальше? Они в курсе, кто и когда меня собирается вызывать. А вот это самое печальное. Значит, у них там кто-то есть, в прокуратуре, кто такие вещи знает. Много народу могут такое разведать? Неведомо, в тех полутора сериалах про следаков, что я видел, о таком не рассказывали.

Допустим, я скажу, как они хотят. И что? То! Вот свидетель, который путается в показаниях. Темнит. А там сверху, даже с самого верхнего верху, интересуются: где результаты?

И начинают трясти меня промеж остальных. Просто узнать, что там я скрыть пытаюсь. Или даже зачем я это делаю. Блин, мало я знаю про эту кухню. Вообще ничего почти. Значит что? Помощь нужна!

* * *

Товарищ Маслов, Дмитрий Саввич который, оказался чрезвычайно занятым человеком. Три раза с интервалом в полчаса звонил я ему, и постоянно меня динамили. То на объекте, потом на совещании, после – просто вышел. Я уже хотел было плюнуть на возможную слежку и попереться прямо к нему на службу по адресу Старая площадь, дом 8, но с четвертого раза мне повезло.

– Здравствуйте, Дмитрий Саввич, это Панов Андрей. Ну, который за автобусом нырял.

– Помню, как же.

– У меня тут срочные новости возникли, по тому вопросу, что мы обсуждали в прошлый раз.

– Совсем неотложные? До завтра не потерпит?

– Наверное, нет. Поздно может быть.

– Ладно, – тяжело вздохнул он в трубку. – Ты где сейчас? Стой там, подъедет машина с номером сорок два ноль шесть.

Ждал недолго, почти и не замерз. Вы ездили на машине с номерами серии МОС? А я вот сподобился. Один раз. Никакой разницы не заметил.

На проходной меня пропустили, пропуск уже заготовлен был. Уже поднимаясь по лестнице, я подумал, что надо было проверить «дипломат»: не подложили ли туда прослушку? И тут же чуть не засмеялся вслух. До чего дошел, прослушку ищу в вещах.

Маслов выслушал меня внимательно, записал в блокнотик все, что я смог вспомнить — от номера машины и фамилии капитана до цифр на гаражных воротах. Вряд ли он это делал для проверки, не его это дело. Привычка, наверное: если кто-то говорит, надо записывать.

— Здесь посиди пока, — сказал он, вставая из-за стола. — Есть хочешь? Сейчас попрошу, принесут чего-нибудь.

Вернулся Дмитрий Саввич через час. Я уже успел обзавестись, перечитать все валяющиеся на столе газеты. Узнал удои, выплавки и прочие достижения страны Советов. И дважды перешерстил свой «дипломат».

Вернулся помощник не один — с двумя коротко стриженными мужчинами. Двое из ларца — одинаковые с лица. Нетрудно было догадаться, откуда товарищи и куда меня повезут.

До Лубянки доехали быстро — за пять минут. Дольше тащились за снегоуборщиками у Ильинских ворот. Завели внутрь, разумеется, не с парадного подъезда, а со стороны Фуркасовского переулка. Мигом оформили пропуск, благо паспорт у меня был с собой, проводили на третий этаж. Мягкие ковры, безликие двери из дуба. Я шел и думал, что мне

светит. Явно кто-то из небожителей заинтересовался делом. Андропов? Вряд ли. Может, кто-то из замов.

Так и оказалось. Меня завели в большую приемную. Она была пуста, даже на месте секретаря никого не было. Один из сопровождающих тихо постучал в дверь, зашел и быстро вышел. Махнул мне рукой, подзывая к себе.

– Давайте вашу верхнюю одежду. Вас ожидает генерал Цинев. Обращаться к нему по имени-отчеству – Георгий Карпович. На вопросы отвечать коротко, четко, у вас пять минут.

В кабинете за длинным столом сидел лысый лопухий очкарик с папкой в руках. Он что-то читал в ней, попутно вычеркивая ручкой. Вжик – уноси готовенького.

– Ты Панов?

Генерал бросил на меня быстрый взгляд, почесав плечо, вернулся к документам.

– Я.

– Рассказывай.

Цинев меня сознательно игнорил – ставил на место. Барин и холоп. Нет, так это все не взлетит. Я прошел к столу, сел за него. Дождался удивленного взгляда, начал рассказывать. Мне их игры в верхах ни к чему. Мне надо, чтобы от меня отстали побыстрее. Желательно навсегда.

Цинев кивал, поначалу не переспрашивал. Потом заинтересовался, вдался в подробности.

– Что же, товарищ Панов. Хорошо, что вы не стали избоб-

ражать из себя шпиона из кино и пытаться разобраться самостоятельно. Комитет ценит ваше доверие. Завтра спокойно идите к Калиниченко, рассказывайте все, как было, без выдумок. Тем более убийц уже нашли.

– И кто они? – спросил я, и так зная ответ.

Генерал поморщился, поскреб себя по щеке.

– Сотрудники линейного отделения милиции на станции метро «Ждановская». Грязная история, которая, – Цинев тяжело вздохнул, – будет иметь большие последствия...

– Какие? – любопытствовал я.

– Будут сложности, – генерал проигнорировал вопрос, – вот телефон моей приемной. – Цинев опять почесался, оторвал листок перекидного календаря, написал там семь цифр.

Да что ж ты чешешься весь? Я присмотрелся к нему. Ага, и глаза слегка желтоватые.

– Извините, товарищ генерал. Если позволите... Я же медик... Желтуха давно у вас?

– Какая желтуха?

Цинев отбросил ручку, уставился на меня.

– Глаза, кожа... Не замечали? Позвольте, я поближе посмотрю.

Он кивнул, и я начал заглядывать ему в зев, оттягивать веко и заставил показать ладони. Ну да, кожа зеленоватая, склеры иктеричные, явно билирубин уже не шестьдесят даже, а за сотню.

– Зуд давно?

– Дня три, наверное, ночью спать не могу, уже таблетку пил сегодня.

– Моча темная?

– Пожалуй, да, – чуть подумав, кивнул он.

– И стул светлый, почти белый?

На этот раз он даже не задумывался. Видать, обратил внимание, но значения не придавал. На творожок списал, наверное.

– У вас камней в желчном пузыре не бывало раньше?

– Не-е-ет, – протянул генерал. Все барство с него слетело враз. Бояться мужики болеть, а если скажут, что резать придется – вдвойне. – Медосмотр проходили, весной, да. Ничего не было. Хотя кто там чего может понять... – махнул он рукой.

– Разрешите, посмотрю, – кивнул я на живот.

Он снял мундир, рубашку, стянул майку. Одни только штаны с лампасами выдавали теперь в нем начальника. «Как в бане», – подумал я.

Печень плотная, торчала пальца на три из-под края реберной дуги. Мне даже показалось, что я пузырь нащупал, хотя бред, конечно. Но пузырьные симптомы все на месте, хоть студентов учи.

– Камень в желчном пузыре, – огласил я вердикт. – Закупорил проток, желчь копится в пузыре и печени. Может привести к печальным последствиям, – включил я стандартную страшилку. Таким людям нельзя признаваться, что мо-

жет рассосаться, они за эту ниточку непременно уцепятся.

– Что делать? – спросил Цинев. Молодец, быстро в себя пришел, сразу собрался, готов решения принимать.

– В хирургию. Немедленно, – тут же ответил я. – Тянуть нельзя: не дай бог, пузырь лопнет – тогда все, это не лечится.

– Витя! – крикнул генерал. Глаза у возникшего на пороге помощника были квадратные: завел посетителя, а тут генерал полуголый... – Машину готовьте, в ЦКБ едем. Домой оттуда позвоню.

Цинев повозился, застегивая пуговицы, я стоял и ждал – неудобно все-таки, обходить пришлось бы. Пошел он к выходу, и я вслед за ним. Тут Цинев остановился, вернулся к столу. Вырвал еще один лист из календаря. Написал новые семь цифр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.